

МАРТИН ГИЛБЕРТ

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

Книга, которую должен прочесть каждый,
кто хочет понять эту войну.

New York Times Book Review

Мартин Гилберт

Первая мировая война

«Азбука-Аттикус»

1994

УДК 94(100)"1914/1918"
ББК 63.3(0)53

Гилберт М.

Первая мировая война / М. Гилберт — «Азбука-Аттикус», 1994

Никто не хотел, чтобы эта война началась, но в результате сплетения обстоятельств, которые могут показаться случайными, она оказалась неотвратимой. Участники разгоравшегося конфликта верили, что война не продлится долго и к Рождеству 1914 года завершится их полной победой, но перемирие было подписано только четыре с лишним года спустя, в ноябре 1918-го. Первая мировая война привела к неисчислимым страданиям и жертвам на фронтах и в тылу, к эпидемиям, геноциду, распаду великих империй и революциям. Она изменила судьбы мира и перекроила его карты. Многие надеялись, что эта война, которую называли Великой, станет последней в истории, но она оказалась предтечей еще более разрушительной Второй мировой. Всемирно известный британский историк сэр Мартин Гилберт написал полную историю Первой мировой войны, основываясь на документальных источниках, установленных фактах и рассказах очевидцев, и сумел убедительно раскрыть ее причины и изложить следствия. Ему удалось показать человеческую цену этой войны, унесшей и искалечившей миллионы жизней, сквозь призму историй отдельных ее участников, среди которых были и герои, и дезертиры. В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

УДК 94(100)"1914/1918"

ББК 63.3(0)53

Содержание

Предисловие к новому изданию	6
Введение	7
Глава 1	13
Глава 2	26
Глава 3	41
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Мартин Гилберт

Первая мировая война

© Martin Gilbert, 1994

© Бавин С., перевод на русский язык, 2015

© Гольдберг Ю., перевод на русский язык, 2015

© Кунарев П., перевод на русский язык, 2015

© Курт А., перевод на русский язык, 2015

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2016

КоЛибри®

* * *

*...Не проворным достается успешный бег, не храбрым – победа...
но время и случай для всех их.
Екк. 9: 11*

Предисловие к новому изданию

Первая мировая война закончилась в 1918 г. 11 ноября 2008 г., в День примирения, были живы только три британских ветерана Первой мировой. Младшему из них исполнилось 106 лет.

Когда в конце 1940-х – начале 1950-х гг. я учился в школе, трое моих учителей были участниками Первой мировой войны, а позже – несколько моих университетских преподавателей. В 1960 г., занявшись историческими исследованиями, я встречался со многими ветеранами войны, моряками, пехотинцами и летчиками. Фельдмаршал Монтгомери и фельдмаршал Александер, прошедшие окопы Первой мировой, поддержали мою работу, как и адмирал Ричард Белл Дэвис, награжденный Крестом Виктории за бои на Галлипольском полуострове.

Разные аспекты той войны, которая должна была покончить с войнами, я отразил в книгах «Атлас Первой мировой войны» (Atlas of First World War) и «Битва на Сомме: героизм и ужас войны» (The Somme: The Heroism and Horror of the War). Я побывал на полях сражений Западного фронта и Палестины, Северной Италии и Балкан, читал надписи на мемориалах Первой мировой войны в Газе и Иерусалиме, на Галлиполи и на Суэцком канале, в Нью-Дели, на Ипре и на хребте Вими, на Сомме и в Компьене, в Риме и Берлине, а также в музеях войны в Брюсселе, Белграде, Оттаве и Канзас-Сити.

Воспоминания, биографии, романы, пьесы и фильмы познакомили послевоенные поколения со многими ликами той войны. Несмотря на последовавшую за ней Вторую мировую и другие войны, которые велись до конца столетия и позже, образы и отзвуки Первой мировой войны продолжали влиять на общественное сознание – как и подвиги солдат на земле, на море и в воздухе. Спустя десятки лет после окончания Первой мировой крестьяне и строители все еще находят ржавые снаряды и изуродованные скелеты.

Это новое издание книги предназначено поколению, для которого Первая мировая война уже почти история, хотя на ней сражались их отцы и деды. Та война продолжает жить в журнальных статьях, книгах, на сайтах в интернете, в музеях, памятниках, военных кладбищах, в экскурсиях на поля сражений, которые постоянно напоминают нам о четырех страшных годах. В течение этих четырех лет большая часть «цивилизованного» мира – из лучших, худших и неизвестных побуждений – сошла с ума, а более 8 600 000 человек (многим еще не исполнилось двадцати или было чуть за двадцать) погибло на полях сражений.

Мартин Гилберт
11 ноября 2008 г.

Введение

В Первую мировую войну было убито более 9 миллионов солдат, моряков и летчиков, свыше 5 миллионов гражданских лиц погибло во время оккупации, от авианалетов, голода и болезней. Двумя другими разрушительными последствиями войны стали геноцид армян в 1915 г. и эпидемия гриппа, начавшаяся во время боевых действий. Бегство сербов из родной страны в конце 1915 г. – еще один жестокий эпизод, сопровождавшийся массовой гибелью мирных жителей, как и морская блокада Германии, приведшая к смерти более 750 000 немцев.

Создается впечатление, что в 1914–1918 гг. происходили две очень разных войны. Первая – война солдат, матросов и летчиков, торговых флотов и гражданского населения во время оккупации, когда страдания и беды отдельных людей превосходили все мыслимые пределы, особенно в окопах на передовой. Другую вели главы государств и министры, пропагандисты и идеологи, в тесном сплетении идеологий и политических и территориальных амбиций определяя будущее империй, народов и целых наций так же неотвратно, как и на полях сражений. В определенные моменты, особенно в 1917 и 1918 гг., война армий соединялась с войной идеологий, приводя к революциям и капитуляциям, вызывая к жизни новые политические и национальные силы. Война изменила карту мира и судьбу Европы, оставив шрамы на ее теле и страх в ее душе.

В конце Второй мировой войны я был школьником, но многое постоянно напоминало мне о Первой мировой, хотя она и закончилась 27 лет назад. Школьный швейцар, «Джонсон-дворник», бывший королевский морской пехотинец, ветеран морского десанта в Зебрюгге в 1918 г., как рассказывали, за проявленную храбрость был представлен к награде. Директор школы, Джеффри Белл, воевал на Западном фронте и получил Военный крест, но при этом отличался пацифистскими взглядами, которые прививал и нам, мальчишкам. Один из первых моих учителей истории, Э. П. Уайт, тоже прошел окопы: бывало, он маршировал по классу со шваброй на плече, распевая строевые песни. Когда я начинал работу над этой книгой, были опубликованы его эмоциональные, исполненные страдания письма с фронта. Старший брат моего отца, дядя Ирвинг, сражался на Сомме. Он был настолько потрясен и напуган тем, через что ему пришлось пройти, что нам, детям, строго-настрого запретили его об этом расспрашивать. Он умер, когда я работал над этой книгой, в возрасте 93 лет.

И в 1954–1955 гг., когда я служил в армии, Первая мировая война не давала о себе забыть. Полк, форму которого я носил, Уилтширский пехотный, в октябре 1914 г. потерял целый батальон в Рётеле, на Ипрской дуге, когда 1000 человек было убито, а немногие выжившие оказались в плену. Другой батальон был практически уничтожен за несколько минут на склонах Чунук-Баира на полуострове Галлиполи в 1915 г. Еще один батальон уилтширцев в 1917 г. попал под обстрел германской корабельной артиллерии на Салоникском фронте. Какую бы тему я ни исследовал – британское господство в Индии на стыке веков или установление советской власти на Украине в 1920-х гг., – Первая мировая война напоминала о себе при каждом удобном случае. С. С. Дэвис, мой наставник по истории Индии, все еще страдал от ранения, полученного на Западном фронте. В начале 1960-х гг. исследования в области исторической географии привели меня в лондонскую квартиру Арнольда Тойнби. На камине стояли фотографии полудюжины молодых людей в военной форме, и я спросил, кто на них изображен. Он ответил, что это его близкие университетские друзья – все они погибли в окопах.

За годы странствий я побывал во многих местах боевых действий или так или иначе связанных с войной. В 1953 г. по совету Алана Палмера, одного из моих преподавателей истории, я посетил различные военные мемориалы, чтобы увидеть события с разных точек зрения. Я побывал в Вене, где Хофбург и Балльхаусплац напомнили мне о стареющем императоре и министре иностранных дел, в Любляне, в годы войны еще называвшейся Лайбахом, славян-

ское население которой боролось за независимость от Австрии, а солдаты больше не желали поддерживать власть Габсбургов, и в Венеции, в 1917 г. охваченной страхом перед возможным вторжением австрийцев.

В июне 1957 г. в Сараево я стоял на том самом месте, где в июне 1914 г. Гаврило Принцип сделал свой роковой выстрел. Даже при советской власти в Югославии Принципа почитали как одного из борцов за национальную независимость. Две бетонных плиты увековечили два шага, которые привели Европу к страшному четырехлетнему конфликту. В том же году в Белграде я смотрел через реку туда, откуда в первый день войны по сербской столице била австрийская артиллерия. Десять лет спустя мы с отцом побывали у границы Западного фронта: мы останавливались в Аррасе, к востоку от которого бесчисленные военные кладбища служили безмолвным напоминанием о сражениях 1917 и 1918 гг., и в Ипре, где каждый вечер в восемь часов слушали вечернюю зарю, которую два музыканта Ипрской пожарной бригады играли у Мененских ворот.

Когда под сенью огромной арки звучит горн, останавливаются все проезжающие машины. Работа горнистов частично оплачивается из наследства Редьярда Киплинга, чей единственный сын пал в битве при Лосе. На стенах и колоннах монументальных ворот запечатлены имена 54 896 британских солдат, погибших на Ипрском выступе между октябрем 1914 г. и серединой августа 1917 г. и не похороненных. На резьбе видны следы от осколков снарядов – память о Второй мировой войне. Имена погибших в 1914–1918 гг. еще не закончили вырезать, когда в мае 1940 г. снова пришли немцы. Тогда плиты вывезли в Британию.

Мы с отцом шли по Ипрской дуге от Мененских ворот с картами траншей в руках, останавливаясь на месте каждого боя и читая заметки из многотомной официальной истории генерала Эдмона, письма и воспоминания солдат, стихи. Мы стояли в тишине, как и все посетители, на мемориальном кладбище Тайн-Кот в Пасхендале, где высечены имена еще 34 888 солдат, погибших с середины августа 1917 г. до окончания войны в ноябре 1918 г., и где захоронены останки, которые не удалось идентифицировать. На надгробиях более чем 11 000 могил указаны имена погибших. Даже свежескошенная трава, тщательно ухоженные клумбы и пятидесятилетние деревья не могут смягчить шок от такого количества имен и захоронений. Неподалеку отсюда, в Менене, который немцы удерживали всю войну за исключением одного месяца, мы посетили военное кладбище, где похоронено 48 049 немецких солдат.

Спустя 15 лет после моей поездки в Сараево, на место убийства эрцгерцога Франца Фердинанда – убийства, с которого, можно сказать, и началась Первая мировая война, я посетил лесную поляну близ Ретонда во Франции, чтобы увидеть копию железнодорожного вагона, где в ноябре 1918 г. немцы подписали перемирие. По настоянию Гитлера в том же вагоне в 1940 г. была принята капитуляция Франции. Множество связующих нитей между двумя войнами напоминают о том, что их разделял всего лишь 21 год. Некоторые из тех, кто прошел через окопы Первой мировой, во Второй мировой возглавили воюющие стороны – Гитлер, Черчилль и де Голль. Другие оказались среди их ближайших сподвижников и командующих высшего ранга – Роммель, Жуков, Монтгомери и Гамелен. Некоторые, такие как Хо Ши Мин, в Первую мировую служивший добровольцем-санитаром во французской армии, или Гарольд Макмиллан, сражавшийся и раненный на Западном фронте, стали влиятельными фигурами уже после Второй мировой войны.

В 1957 г. я посетил места боев на русско-турецкой границе и села, в которых в первый год войны были убиты сотни тысяч армян. Десятью годами позже я побывал на военном кладбище в Газе, где невысокие, из-за постоянной опасности землетрясения, надгробные камни хранили имена тысяч солдат, погибших в одном из самых жестоких конфликтов, когда-либо происходивших между англичанами и турками. Я стоял на том самом месте близ Иерусалима, где ранним утром двое британских солдат, искавших птичьи яйца, увидели приближавшихся к ним сновиков и священнослужителей, в том числе христианских священников, имамов и равви-

нов, предложивших им вместо еды сдачу Святого города. Начиная с 1969 г. я три года подряд путешествовал по Галлипольскому полуострову, читая вслух куски из двухтомной официальной истории войны Эспиналя-Огландера и других работ, побывал на местах высадок, поднимался на холмы и спускался в овраги. Контраст между нынешней красотой и спокойствием здешних мест и тем ужасом и страданиями, которые они видели в 1915 г., никогда не переставал преследовать меня.

Исследуя жизнь Уинстона Черчилля, мне довелось читать вслух его ежедневные письма жене с Западного фронта во дворах разрушенных ферм, где они были написаны. В них он восхищался выносливостью тех, кто не мог, как он, вернуться спустя полгода к комфорту гражданской жизни в Лондоне. За восемь лет до начала войны в письме жене из-под Вюрцбурга, где проходили маневры германской армии, на которые его пригласил сам кайзер, Черчилль писал: «Чем больше война привлекает и завораживает меня своим многообразием и непредсказуемостью, тем глубже я с каждым годом ощущаю – и это чувство особенно сильно здесь и сейчас, когда вокруг меня столько оружия и техники, – насколько ее природа омерзительна и жестока, все это – страшная глупость и варварство».

В 1991 г., несколько месяцев спустя после падения железного занавеса, я посетил недавно обретшую независимость Украину, где прошелся по бывшим австрийским казармам приграничного городка Броды, через который в 1914 г. так уверенно маршировали русские войска во время своего первоначального триумфа и откуда они были выбиты всего год спустя. Несмотря на решение Ленина и большевистской партии выйти из войны в 1918 г., боевые действия на Восточном фронте не прекращались еще два года после окончания Первой мировой: сначала здесь шла Гражданская, затем – советско-польская война. По дороге из Брод во Львов я проезжал мимо огромного бронзового всадника, который с воодушевлением указывал в сторону Варшавы (прежде чем советские памятники были демонтированы). Впечатляющая статуя напоминала о попытке большевиков захватить Польшу в 1920 г. Эта кампания, как и старания России сохранить Польшу в составе империи шестью годами ранее, потерпела крах. В Варшаве я несколько раз стоял перед Могилей Неизвестного Солдата. В отличие от Вестминстерского аббатства или Триумфальной арки в Париже, она не увековечивает память погибших в Великой войне 1914–1918 гг., а посвящена жертвам советско-польской войны 1920 г.

В течение четырех десятилетий многие ветераны рассказывали мне о том, как они сражались на различных фронтах. В 1954–1955 гг., будучи молодым военным, я посетил множество семей, где доживали свой век на всю жизнь искалеченные окопными буднями старики. В период своих изысканий, начавшихся в 1960 г., я встретился с большим количеством пехотинцев, моряков и летчиков всех воевавших армий. Их воспоминания, письма и документы, бережно хранимые с тех суровых дней, были настоящим порталом в прошлое. Мне также очень помогли личные беседы с одним из историков Первой мировой войны, сэром Джоном Уилером-Беннетом, и с тремя старшими коллегами, с которыми мне довелось работать в 1962 г. в Мертон-колледже в Оксфорде, – Алистером Харди, Хьюго Дайсоном и Майклом Поланием: каждому из них пришлось повидать и благородные, и самые грязные и уродливые лики той далекой войны. Харди и Дайсон воевали на Западном фронте, Поланий служил медиком в австро-венгерской армии.

Работая над книгами о Черчилле, я встречался с 80-летним генералом Сэйвори, воевавшим на Галлиполи. Он предложил мне пощупать след от турецкой пули у него на голове. Его боевой путь продолжился в Месопотамии и Сибири. Летчик, сэр Ричард Белл Дэвис, также сражавшийся на Галлиполи, где он был награжден Крестом Виктории, достал из бумажника кусок туалетной бумаги, на которой был изображен германский кайзер с подписью «Подотри мной задницу».

Двое других солдат, воевавших на Западном фронте с самого начала боевых действий, поразили меня рассказами о своей дружбе и воспоминаниями. Один из них – французский

художник Поль Маз, кавалер ордена «За боевые заслуги», Воинской медали с планкой (Великобритания) и Военного креста, после войны переехал в Англию. Он чудом вырвался из Парижа, когда в июне 1940 г. его уже заняла немецкая армия. Все четыре года войны Маз служил в военной разведке и был участником всех крупнейших операций британской армии. Вторым ветераном – британским политиком генерал-майором сэром Эдвардом Льюисом Спирсом, кавалером Военного креста (Британия), после Первой мировой войны избранным в парламент, а в июне 1940 г. переправившим генерала де Голля в Англию. И Маз и Спирс в своих военных мемуарах и рассказах старались воссоздать достоверную картину боевых действий во Фландрии, описать настроения и надежды солдат, показать трудности и лишения, через которые им пришлось пройти за долгие четыре года от объявления войны в 1914 г. до подписания мирного договора в 1918 г.

Я до сих пор отчетливо помню 3 сентября 1976 г., когда я обедал с Энтони Эденом, впоследствии графом Эйвоном, в его доме в Уилтшире. Он рассказывал о различных эпизодах Второй мировой, начавшейся ровно 37 лет тому назад. Его сыну Саймону, пилоту и офицеру Королевских ВВС, было 21 год, когда в июне 1945 г. он погиб в небе Бирмы. Мы говорили о решении Британии в 1941 г. прийти на помощь Греции, об угрозе поражения СССР в 1942 г. и даже о возможности сепаратного мира между Германией и СССР.

Многие эпизоды напоминали подобные ситуации во время Первой мировой: решение Великобритании в 1915 г. оказать военную помощь Сербии, высадившись в том же порту Салоники, где в 1941 г. будут разгружаться британские транспортные суда, отправленные в поддержку грекам, и выход России из войны в 1917 г. А Николасу Эдену, командиру расчета артиллерийской башни на линейном крейсере Королевских ВМС «Индефатигебл», на момент гибели было всего 16 лет.

В работе над исследованиями жизни Черчилля мне помогал и Гарольд Макмиллан, и долгое время я не догадывался, почему у него такой неразборчивый почерк, все время трясутся руки, а походка нервная и дерганая. Все это были последствия ранений, полученных в 1916 г.

Путешествия убедили меня, что в Европе не найти региона, где не было бы памятников и мемориалов, посвященных Первой мировой войне. Варшава и Лилль, Брюссель и Белград ощутили всю тяжесть оккупации во время обеих мировых войн. Солдаты уходили на войну из Праги и Будапешта, Берлина и Вены, Парижа и Рима, Лондона и Нью-Йорка, Кейптауна и Бомбея. Те, кто вернулся, подавленные и усталые, видели, как горе и лишения пришли на смену энтузиазму и воодушевлению первых дней войны. Памятники в каждом из этих городов напоминают об огромных человеческих потерях.

Я изучил надписи и иконографию огромного количества военных мемориалов. Все они – свидетельства уничтожения живого, от могил отдельных солдат и гражданских лиц до надписей на памятниках, говорящих о гибели более чем полумиллиона лошадей во время боевых действий и 15 000 утонувших на пути к фронту: эти памятники составляют потрясающее воображение, местами красивый, а иногда гротескный ансамбль, напоминающий о разрушении и смерти. Открытие каждого памятника, например канадского мемориала на хребте Вими в 1936 г., всякий раз оживляет память о прошлом. Даже после Второй мировой войны, на парадах в честь ее окончания, всеобщее внимание привлекали ветераны Первой мировой, все в медалях. В 1974 г. в Булони я наблюдал за марширующими солдатами обеих войн и за согбенным стариком, шестьдесят лет назад выжившим в битве на Марне и занимавшим почетное место во главе колонны.

Конечно же во время войны боевые действия занимали первые полосы газет во всем мире, но не меньше места отводилось известиям о мятежах, забастовках и революциях, происходивших в тылу, как и трудовым подвигам миллионов людей на фабриках и в трудовой армии. Горчичный газ стал новой и неожиданной угрозой для солдат. Подводные лодки потопили не одну сотню кораблей, оставив покоиться на дне морском тысячи моряков, военных и граждан-

ских. Воздушные налеты и бомбардировки были постоянным кошмаром для мирного населения. Голод и лишения выпали на долю миллионов простых людей далеко за линией фронта.

Мои исследования легли в основу нескольких книг, в которых центральное место занимала Первая мировая война. Среди них «Сэр Хорас Рамбольд, портрет дипломата» (Sir Horace Rumbold, Portrait of a Diplomat) – свидетельство британского дипломата в Берлине о самом начале войны; третий и четвертый тома биографии Черчилля, где говорится о боевых действиях в Дарданеллах, на Западном фронте и создании Министерства вооружений; а также «Атлас Первой мировой войны» (Atlas of First World War), наглядно и детально показывающий обстановку на каждом из фронтов и ее изменения в ходе боевых действий. Влиянию войны на взаимоотношения арабов и евреев на Ближнем Востоке посвящены три главы в труде «Изгнание и возвращение: борьба евреев за родную землю» (Exile and Return, Struggle for a Jewish Homeland). Письма, которые я опубликовал в 1964 г. в книге «Великобритания и Германия между двумя мировыми войнами» (Britain and Germany Between Wars), говорят о том, как ход войны отразился на итоговых мирных соглашениях и межвоенных годах.

В том же 1964 г., вскоре после того, как рукопись «Европейских держав в 1900–1945 гг.» (European Powers 1900–1945) была сдана в оксфордскую типографию, меня пригласила на встречу миссис Ваверка, глава издательства. В своей книге я возложил на Австрию часть ответственности за начало боевых действий в 1914 г., что и вызвало ее озабоченность и недовольство. Она родилась и получила образование в Вене. Как еврейка, в 1938 г. она была вынуждена уехать из страны, но не сомневалась в невиновности Австрии в событиях 1914 г. По ее мнению, вина полностью лежала (и мне следовало отметить это в книге) на русских и сербах.

Этот эпизод произвел на меня сильное впечатление, как и рассказ миссис Ваверки о страшных голоде и нищете в послевоенной Вене и о политических событиях после войны, поставивших крест на империи Габсбургов.

Для кого-то эта война начиналась как акт наказания и возмездия. Для других она обернулась войной за то, чтобы покончить с войнами. Само ее название – Великая война – говорит о невиданных доселе ее масштабах, но за ней последовала другая, еще более разрушительная, война, а затем бесчисленные «малые» конфликты по всему миру. На январь 1994 г. насчитывалось тридцать два очага боевых действий, разбросанных по всей планете. О Первой мировой войне продолжают вспоминать в дискуссиях даже о самых современных конфликтах. 26 декабря 1993 г., когда я писал эту книгу, британский репортер, говоря о том, что рождественское перемирие в Боснии так и не наступило, стоя перед камерой на фоне глубокой траншеи, сказал: «Оборонительные сооружения вокруг Витеза напоминают окопы Первой мировой, они такие же грязные». Траншея была не так уж грязна, залита водой или разрушена артиллерийским огнем, но этот образ отпечатался в памяти и всплыл через 80 лет после Первой мировой, пережив несколько поколений. Небольшой отрезок времени, когда длилась война – всего 4 года и 3 месяца, – вдохновил, озадачил и взбудоражил целое последующее столетие.

Первая мировая привела к политическим изменениям, не менее разрушительным для жизни и свободы, чем сама война, и ставшим причиной более чем полувековой тирании. Некоторые новые границы, проведенные на мировой карте после войны, спровоцировали многолетние конфликты и до сих пор дают повод к спорам и вооруженным столкновениям.

В 1923 г. Редьярд Киплинг в предисловии к книге «Ирландская гвардия в Великой войне» (Irish Guards in Great War) написал: «Единственное чудо для автора этого исследования – немногие подлинные факты, выловленные им в водоворотах войны». С первых выстрелов, прозвучавших 80 лет назад, исследователи вели поиски как среди главных и крупнейших событий, так и среди незначительных эпизодов, а также пытались разгадать многие головоломки и нестыковки. Эта книга представляет собой попытку передать результаты моих изысканий, прочтений, а также мои чувства и взгляды на события, которые, как и холокост в последующие годы, наложили уродливое клеймо на весь западный мир. Кроме того, это попытка рассказать

истории отдельных людей на фоне глобальной стратегии командующих самого высокого ранга и операций, в которых были задействованы сотни тысяч солдат.

Если бы каждому из 9 миллионов погибших в Первой мировой войне можно было посвятить хотя бы одну страницу, описать их деяния и страдания, их чаяния, предвоенную жизнь и любовь, пришлось бы написать 20 тысяч таких книг, как эта. Боль и лишения отдельного человека теряются на фоне исторического процесса, но именно ему уделяют внимание все историки. 3 декабря 1993 г. я был потрясен тремя короткими фразами в написанном Мейром Ронненом обзоре двух книг по истории Первой мировой войны. Статья вышла в Jerusalem Post, слова Роннена звучали так: «В 1914–1918 гг. миллионы людей страдали и погибли в грязи во Фландрии. Кто помнит их? Даже те, на чьих могилах есть имена, сейчас стали неизвестными солдатами».

Никакая книга не способна восстановить справедливость, отдав должное всем, кто на своих плечах вынес тяжесть войны, хотя было сделано несколько достойных попыток. Среди последних – книги Лин Макдональд в Великобритании и Стефани Одуен-Рузо во Франции (первую рецензировал Мейр Роннен, вторая – биография поэта Исаака Розенберга, павшего в бою 1 апреля 1918 г.). В своей книге я попытался рассказать о страданиях людей как о неотъемлемой части повествования об одной из величайших войн в нашей истории.

*Мартин Гилберт
Мертон-колледж, Оксфорд
20 июня 1994 г.*

Глава 1

Прелюдия к войне

Война между великими державами активно обсуждалась в первой четверти XX в. политиками, писателями, учеными и философами, и тем не менее природа европейского конфликта, в отличие от столкновений во времена колониальной экспансии, казалась малопонятной. Все привыкли к ограниченным, но неизменно успешным и быстрым военным кампаниям против слабого противника, где пулемет противостоял копьям, а мощь корабельных орудий – древним пушкам. Впрочем, эти конфликты способны были напугать лишь их непосредственных участников, широкая общественность имела смутное представление о том, что происходило за тысячи километров.

С чего Европе было бояться войны? В 1914 г., перед самым началом Первой мировой, французский полковник, бывший подростком, когда в 1870 г. Германия напала на Францию, услышал разговор молодых офицеров, выпивавших за скорейшее начало войны и смеявшихся над такой возможностью. Он оборвал их смех вопросом: «Думаете, война – это *toujours drôle*, всегда забавно?» Полковника звали Анри-Филипп Петен. Двумя годами позже под Верденом он стал свидетелем жесточайшей бойни XX столетия.

Французы, чей смех прервал Петен, разделяли ненависть большинства соотечественников к Германии, возникшую больше 40 лет назад, 2 мая 1871 г. Тогда в отеле «Шван» во Франкфурте-на-Майне германский канцлер Отто фон Бисмарк подписал соглашение, по которому Эльзас и большая часть Лотарингии перешли во владение Германии. В тот день германские войска вошли в Мец под залпы победного салюта. В классных комнатах иезуитского колледжа Святого Климента, как в 1931 г. писал британский историк Бэзил Лиддел Гарт, «послание, переданное пушками, не требовало перевода. Мальчишки вскочили на ноги. Директор, поднявшись вслед за ними, воскликнул: «Дети мои!» – затем, не в силах сказать больше ни слова, склонил голову и сложил руки, как для молитвы. Память об этом ужасном моменте оставила несмываемый след в душах учеников». Одним из этих молодых людей был 19-летний Фердинанд Фош, который не смирился с тем, что его родина потерпела поражение до того, как он смог пойти на фронт.

Не все в только что объединенной Германии были удовлетворены результатами победы. Амбиции немцев возрастали с ростом промышленной мощи страны. Стремление к колониальной экспансии, не меньшему, чем у Великобритании, морскому могуществу, влиянию на азиатских мусульман, доминирующей роли в Европе постоянно подпитывало чувство неполноценности немцев. Очевидно, Германия, объединившаяся лишь в 1871 г., слишком поздно для империи вступила в борьбу за власть, влияние и уважение на международной арене. Необходимость дальнейшей войны и необходимость накопить достаточное военное могущество для безоговорочной победы – таковы были главные выводы книги «Германия и будущая война» (*Deutschland und der nächste Krieg*), опубликованной в 1912 г. кавалерийским офицером в отставке Фридрихом фон Бернгарди. В 1871 г. Бернгарди побывал в Париже в числе победителей, и в своей книге он подчеркивал, что Германии необходимо начать войну, чтобы не проиграть битву за мировое господство. «Единственный закон природы, перед которым ничего не значат все остальные ее законы, – пишет он, – это борьба за существование». Война была «биологической необходимостью». Немецким солдатам на сорок лет моложе его вскоре предстояло испытать эту уверенную теорию на поле боя и умереть, проверяя ее на практике.

Франко-прусская война 1870–1871 гг. стала последней войной между европейскими державами в XIX в. В битве при Седане с каждой стороны погибло три тысячи солдат, а во время гражданских волнений в Париже было казнено более 25 000 коммунаров. Этот жесто-

кий пример показал, как дорого обходятся большие войны и насколько непредсказуемыми по своему разрушительному эффекту могут быть их последствия. После 1871 г. Германская, Французская, Бельгийская и Британская империи продолжали расширять свои заокеанские владения, празднуя блестящие победы и испытывая горечь редких, но ошутимых поражений. Среди нескольких сотен британских солдат, в 1879 г. погибших от рук зулусов у Исландваны, был и сын Наполеона III. В 1894 г. полковник-лейтенант Жоффри вел свою колонну по пескам Сахары на штурм Тимбукту. На стыке веков германский полковник Эрих фон Фалькенхайн в составе командования иностранного экспедиционного корпуса создал себе репутацию безжалостным подавлением восстания боксеров в Китае. Именно тогда кайзер Вильгельм II сравнил германских солдат с гуннами, не подозревая, что случайно оброненная фраза спустя короткое время приобретет прямо противоположное значение. «Как тысячу лет назад гунны под предводительством Атиллы завоевали славу, запечатлевшую память о них в мировой истории, – сказал он, – Германия должна запомниться Китаю, чтобы ни один китаец не смел даже косо посмотреть на немца»¹.

Эти, как правило, далекие, но всегда кровавые войны послужили предостережением тем, кто был способен услышать. В 1896 г. британский классик А. Э. Хаусман писал о жестокости войны в поэтическом сборнике «Парень из Шропшира» (A Shropshire Lad):

В волнах летнего дурмана
Был ручьем я усыплен.
Слышу: грохот барабана
Пробивается сквозь сон.

То звучнее он, то тише
Раздается там и тут.
Для мортир готова пища —
Юноши на смерть идут.

На полях былых сражений
Кости белые лежат.
Все они – добыча тленья,
Нет для них пути назад.

В горн трубит трубач отважный,
Флейта звонкая поет.
Все готовы к бою. Каждый
В Воскресенье оживет².

Пятью годами позже тревожным рифмам Хаусмана вторил голос 26-летнего члена палаты общин, консерватора Уинстона Черчилля. Участвовавший в боевых действиях в Индии, Судане и в Англо-бурской войне Черчилль слышал предложения некоторых политиков о создании армии, способной воевать на равных с европейским противником. «В последнее время я часто удивляюсь, слыша бойкие и хладнокровные высказывания членов парламента и даже министров о европейской войне», – заявил он 13 мая 1901 г., через три месяца после

---

¹ *Античные гунны* – племена монгольского происхождения, в IV и V вв. с берегов Каспийского моря совершавшие набеги на Европу, в конце под предводительством Атиллы. После завоевания Германии Атилла был остановлен на Марне (!) около городка Шалон объединенной армией римлян и готов, а готское племя тевтонов входит в число прародителей современных немцев. Авт. (Здесь и далее примечания с пометой *Авт.* принадлежат Мартину Гилберту, все прочие сделаны редактором.)

² Здесь и далее, если не указано иначе, стихи приводятся в переводе Анны Курт.

вступления в парламент. Далее он развил свою точку зрения, рассуждая о том, что прошлые войны велись «малыми регулярными армиями, состоящими из профессиональных солдат», в будущем же, когда «друг на друга пойдут целые народы», война в Европе закончится лишь «полным истреблением побежденных с едва ли менее фатальным истощением и экономическим коллапсом победителей».

Демократия, предупреждал Черчилль, будет гораздо «более мстительна», чем королевская власть и правительства старых формаций: «Войны народов окажутся куда ужаснее, чем войны королей». Десятью годами позже, 9 августа 1911 г., когда охваченная военной лихорадкой Германия пошла на открытый конфликт с Британией и Францией, захватив на Атлантическом побережье порт Марокко, лидер немецких социал-демократов Август Бебель высказал рейхстагу предостережение: война может привести к революции. Его осмеяли, назвали паникером, один из парламентариев ответил ему, что «после войны положение вещей всегда улучшается!».

Соперничество, порождающее войны, не способна смягчить логика антивоенных настроений. Первое десятилетие XX в. ознаменовалось множеством проявлений такого соперничества и различными обидами между народами, чьи истинные потребности, стремления и возможности должны были бы заключаться в мире, торговле, промышленности и росте национального благосостояния. Целых четыре десятилетия во Франции копилось раздражение против Германии из-за потери территорий, аннексированных в 1871 г. Совет французского патриота Леона Гамбетта «Никогда не говорите об этом, но всегда помните» постоянно звучал в ушах французов. Статуя Страсбурга на площади Конкорд, затянутая черной тканью, служила им вечным напоминанием о потере двух восточных провинций. В путеводителе по Парижу Карла Бедекера, вышедшем в 1900 г. в Лейпциге, о задрапированной статуе говорится: «В память об утраченном Эльзасе «Страсбург» затянут крепом и покрыт траурными венками». Со своей стороны, Германия лелеяла неумные территориальные амбиции, особенно за пределами восточной границы. Немцы надеялись присоединить западные польские губернии Российской империи, а также расширить немецкое влияние в Центральной Польше, Литве и вдоль Балтийского побережья. Империя Вильгельма II стремилась восстановить баланс сил, впервые нарушенный двести лет назад Петром I, а через сорок лет после его смерти – Екатериной Великой.

Амбициозные планы Николая II распространялись прежде всего на Балканы, где Россия выступала в роли защитника славян и союзника славянской Сербии, неустанно боровшейся за увеличение своей территории и выход к морю. Российская империя также считала себя поборником прав славянских народов под австрийским правлением. У самой русской границы на территории Австро-Венгрии жили три славянских меньшинства, которым покровительствовала Россия: украинцы, русины и поляки.

Австро-Венгрия, которой с 1848 г. правил Франц Иосиф, пыталась сохранить собственную громоздкую имперскую структуру, балансируя между многочисленными национальными меньшинствами. В 1867 г., желая найти компромисс между требованиями немцев и венгров, Франц Иосиф принял титул императора Австрии и короля Венгрии. Австрийцы разработали сложную парламентскую систему, целью которой было предоставить место в законодательном органе каждому из народов³. Но само нежелание Габсбургов что-либо менять столкнулось со стремлением обуздать возмутителя спокойствия, угрожавшего австрийскому господству на юге, – постоянно растущее (по крайней мере, по мнению Австрии) Сербское государство.

---

³ Закон от 26 января 1907 г. установил для австрийского парламента, где имелось 515 мест, следующие национальные квоты: 241 немец, 97 чехов, 80 поляков, 34 русина, 23 словенца, 19 итальянцев, 13 хорватов, 5 румынов и 3 серба. В последующих выборах чехи, поляки и русины сформировали левое крыло. В парламенте было и 5 депутатов-евреев (4 сиониста и 1 демократ). Основная партия левых, социал-демократы, состояла из 50 немцев, 23 чехов, 7 поляков, 5 итальянцев и 2 русинов. *Авт.*

В Великобритании писатели и журналисты, равно как и адмиралы с парламентариями, били тревогу, твердя о растущей военно-морской мощи Германии. В начале лета 1914 г. эти опасения подогрело известие о грядущем расширении Кильского канала, что позволило бы безопасно и стремительно перебрасывать немецкие корабли из Балтийского моря в Северное. Антинемецкий пафос господствовал на страницах популярных изданий, настоятельно рекомендовавших правительству ввести всеобщую воинскую повинность, чтобы в случае войны не зависеть от маленькой профессиональной армии. Либеральный кабинет жестко отклонял все подобные предложения.

Схема европейских альянсов отражала стратегические опасения всех государств. Две Центральные державы, Германия и Австро-Венгрия, были связаны как формальными, так и теплыми дружественными отношениями. С 1892 г. все больше сближались Франция и Россия, с обеими Британия достигла соглашения с целью сократить вероятность конфликта. Англия и Франция, не заключая формального союза, в 1904 г. подписали *Entente cordiale* (фр. «Сердечное согласие»), урегулировавшее их взаимные претензии в Египте и Марокко, а с 1906 г. начали совместные совещания по военным вопросам. Благодаря этим соглашениям и переговорам возникла Антанта, союз Англии, Франции и России, создавший для Центральных держав угрозу вражеского окружения. Особенно этого опасался кайзер Вильгельм II. Он мечтал о Германии, которую бы уважали, боялись и одновременно восхищались. Внук королевы Виктории, он возмущался тем, что в мире господствуют ее сын Эдуард VII и внук Георг V, короли, чья империя включала Индию с ее сотней миллионов подданных.

Во дворце Вильгельма в Потсдаме его окружали реликвии, напоминавшие о предке, Фридрихе Вильгельме I, создателе прусской армии. «В наши дни, – писал Карл Бедекер в 1912 г., – характерной чертой городских улиц стали бесчисленные военные, особенно отборные солдаты гвардейских полков». В Потсдаме находилась и бронзовая конная статуя Вильгельма I, установленная в 1900 г. Вильгельмом II, с богиней Победы перед пьедесталом. Богиню, во времена Римской империи покровительницу цезарей, окружали рельефы, изображавшие юного принца в битве при Бар-сюр-Об в 1814 г., во время войны с Наполеоном, и триумфальное вступление немецкой армии в Париж в 1871 г.

Ирония заключается в том, что первое известное упоминание о Потсдаме, символе военного могущества и имперского статуса Германии, относится к X в. и, по словам Бедекера, свидетельствует о «древнеславянском происхождении» города. С тех пор ни о каких славянах в Потсдаме не слышали, хотя в 1945 г. русские встретились там с союзниками как победители, завоеватели и миротворцы. Впрочем, карта Европы после 1900 г. с ее четко очерченными границами, большая часть которых не менялась с 1815 г. или по крайней мере с 1871 г., скрывала немало серьезных разногласий, в основном этнического характера.

Сербия, несколько десятилетий назад обретшая независимость и территориальную целостность и ставшая первым самостоятельным славянским государством современности, пыталась получить выход к Адриатическому морю, но в этом ей препятствовала Австрия, в 1908 г. аннексировавшая бывшую турецкую провинцию Босния и Герцеговина. Эта аннексия не только очевидно противоречила Берлинскому соглашению 1878 г., подписанному в том числе и Великобританией, но и позволяла Австрии контролировать Адриатическое побережье, протянувшееся более чем на 500 километров. К тому же в случае нападения Австрии на Сербию Босния могла служить ей военной базой.

Каждое из национальных меньшинств Австро-Венгрии мечтало присоединиться к одной из соседних стран, таких как Сербия, Италия или Румыния, или, как в случае чехов, словаков, словенцев и хорватов, получить некую форму автономии или даже образовать независимое государство. Поляки, находившиеся под властью Германии, Австро-Венгрии и России, никогда не оставляли своего стремления к независимости, подкрепленного обещаниями Наполеона, но на протяжении столетий успешно подавляемого кайзерами, царями и императорами.

14 декабря 1912 г. на опасность стремлений славянских народов для Австро-Венгрии в письме престолонаследнику империи Габсбургов, племяннику императора эрцгерцогу Францу Фердинанду, указал начальник австрийского Генерального штаба, барон Конрад фон Гётцендорф. «Воссоединение южных славян, – писал он, – одно из мощнейших национальных движений, которое невозможно ни игнорировать, ни остановить. Вопрос в том, состоится ли это воссоединение под эгидой монархии, и тогда ценой этого станет потеря независимости Сербией, или же Сербия послужит для него основой, и тогда мы потеряем монархию». Фон Гётцендорф ясно дал понять, что объединение славян вокруг Сербии для Австрии будет означать потерю всех южнославянских провинций, то есть почти всего побережья. Утрата территорий и престижа в угоду Сербии «низведет статус монархии до средней европейской державы».

Страх и желания многих государств и народов пока еще не привели к европейской войне, но стали пороховой бочкой, к которой оставалось лишь поднести спичку, чтобы грянул взрыв. Война дала бы прекрасную возможность осуществить давно вынашиваемые планы или посчитаться по старым счетам. Германию, несмотря на развитую промышленность и уверенность в своей военной мощи, встревожил тесный союз между ее западными и восточными соседями, Францией и Россией. В поисках союзника она ухватила за громоздкую и внутренне неупорядоченную Австро-Венгрию, ставшую ее партнером по необходимости. А в 1882 г. Германия вовлекла в свою орбиту и Италию, создав Тройственный союз.

В 1898 г. визит кайзера к султану Абдул-Хамиду в Константинополь и его помпезное паломничество в Иерусалим, где представители всех трех монотеистических религий возвели для его проезда особые праздничные арки, продемонстрировал Османской империи и всему мусульманскому миру, что они смело могут искать в Германии друга. К 1914 г. на Масличной горе высились три впечатляющих каменных здания с видом на Мертвое море: русский Вознесенский монастырь, с 1888 г. символ восточных интересов Санкт-Петербурга; дом англичанина сэра Джона Грея Хилла, той же весной приобретенный сионистами для еврейского университета, символа зарождающихся национальных устремлений; благотворительная больница Августы-Виктории, построенная в 1909 г. и названная в честь жены кайзера, – памятник уверенному утверждению немецких интересов и амбиций.

В 1907 г. Великобритания подписала соглашение с Россией. Хотя главной целью соглашения было урегулирование затяжных англо-российских споров о разделе сфер влияния в далеких Персии и Афганистане, для Германии оно стало еще одним подтверждением обоснованности ее опасений по поводу возможного стратегического окружения. В знак серьезности своих намерений Германия с 1899 г. продвигала проект железной дороги от Берлина до Багдада и далее, планируя использовать Константинополь как место перехода из Европы в Азию. Паром должен был принимать путешественников, грузы и железнодорожные вагоны на станции Сиркеджи на европейском берегу Босфора и перевозить их на станцию Хайдарпаша на азиатском берегу, что стало бы символом немецкого предпринимательства.

Планы немцев предусматривали продолжение железной дороги через всю Турцию далеко на юг, до портов Газа в Восточном Средиземноморье, Акаба на Красном море и Басра в Персидском заливе. Дополнительная ветка должна была вести на восток от Багдада, достигая персидских нефтяных месторождений, что стало бы прямым вызовом британскому и российскому влиянию, установленному в регионе всего 7 лет тому назад. В 1906 г., желая помешать возможной постройке немецкого терминала в Акабе на Красном море, Британия, доминировавшая в то время в Египте, присоединила к своим египетским владениям восточные области Синайской пустыни, отобрав их у Турции. Это позволяло молниеносно перебросить британскую артиллерию из Египта в крошечную бухту Табы, откуда она могла бы обстреливать железнодорожный терминал и портовые сооружения Акабы при возникновении угрозы интересам англичан со стороны немцев.

Немецкие страхи перед окружением основывались на наблюдениях за постоянно растущей сплоченностью Франции, России и Великобритании, о которой свидетельствовали договоренности и постоянные переговоры. В январе 1909 г. Альфред фон Шлиффен, бывший начальник немецкого Генерального штаба, ушедший в отставку несколькими годами раньше, опубликовал статью о будущей войне, в которой он говорил о Великобритании, Франции, России и даже Италии: «Очевидно стремление к объединению этих держав, цель которого – концентрация достаточной мощи для нападения на Центральные державы. Вскоре опустятся разводные мосты, границы откроются и миллионные армии ринутся разорять и разрушать, перейдя Вогезы, Мёз, Неман, Буг и даже Изонцо и Тирольские Альпы. Опасность представляется огромной». Зачитывая эту статью вслух своим генералам, кайзер произнес: «Браво!»

В 1911 г., через пять лет после того, как англичане обеспечили себе возможность при необходимости быстро уничтожить хотя бы один из терминалов находящейся под контролем немцев железной дороги Берлин – Багдад, Великобритания и Франция объединили действия с целью помешать закреплению Германии в Агадире, порте на Атлантическом побережье Марокко. Немецкая канонерка вошла в порт, англичане пригрозили начать военные действия, если она откажется покинуть гавань. Угроза подействовала, но напряжение лишь усилилось.

Общественное мнение не всегда основывалось на реальных фактах. Британские коммерсанты пользовались железной дорогой Берлин – Багдад не меньше немецких, к тому же этой дорогой в дополнение к одиннадцати немцам управляли восемь французских директоров. Но Великобритания не могла смириться с самой мыслью о контролируемой немцами транспортной артерии протяженностью почти 3000 километров, пересекающей Европу, Анатолию и доходящей до арабских провинций Османской империи: ее существование представлялось британцам угрозой империи и ее интересам в Персидском заливе и Индийском океане.

Лишь около 300 километров этой дороги, проходившие по Сербии, выпадали из сферы влияния Германии и ее союзников. Британская и Французская колониальные империи были для Германии неиссякаемым источником зависти и негодования, хотя собственные владения Германской империи включали несколько крупных регионов в Африке и обширные пространства Тихого океана. Впрочем, эти регионы никогда не подвергались активной колонизации и эксплуатации. Колониальные владения для Германии были скорее символами власти, чем значимым подспорьем в достижении экономического развития и процветания.

Еще одной причиной англо-германских трений, подогреваемых ярыми националистами по обе стороны Северного моря, стало желание кайзера сравняться с Великобританией в военно-морской мощи, хотя заморские владения Германии не нуждались в столь же значительном флоте, как британский. В 1912 г. специальным указом правительства, четвертым за 12 лет, и без того внушительный личный состав ВМФ Германии был увеличен на 15 000 солдат и офицеров. Первый лорд Адмиралтейства Уинстон Черчилль предложил обеим сторонам взять паузу в наращивании военно-морских сил, но этот шаг был отклонен Германией. Его соображения о том, что сильный флот, необходимый Британии, учитывая ее индийские и другие далекие владения, для Германии является «роскошью», верные по существу, оскорбили немцев, стремившихся сравняться в могуществе с Великобританией, так как предполагали, что они ей в чем-то уступают. В свою очередь, британцы, опасаясь растущей немецкой угрозы в Северном море, приветствовали морскую экспансию России: 12 мая 1914 г. британский кабинет министров с удовлетворением констатировал, что «предположительно существенное увеличение русского Балтийского флота безусловно облегчит наше положение по отношению к Германии в собственных территориальных водах».

В 1912 г. победа Сербии в Первой балканской войне с Турцией нанесла серьезный удар по престижу Германии. Военный успех и территориальные приобретения маленького славянского государства не только угрожали австрийскому господству на Балканах, но и мешали германским планам добиться наибольшего среди европейских стран влияния в Турции. Террито-

риальные потери турок в Европе в пользу Сербии также сыграли на руку России. Российская империя, сильнейшая из славянских государств и к тому же владевшая польскими и балтийскими территориями на границе с Германией, была рада возможности подогреть антигерманские настроения. Само противопоставление тевтонов славянам было серьезным поводом для конфликта, который никак нельзя назвать нежеланным. 8 декабря 1912 г., беседуя с начальником Генерального штаба графом фон Мольтке, главой морского кабинета адмиралом фон Мюллером и гросс-адмиралом фон Тирпицем, кайзер произнес слова, занесенные Мюллером в дневник: «Австрия должна действовать жестко против славян вне своих границ (сербов), иначе она утратит контроль над сербами в Австро-Венгерской империи. Если Россия поддержит сербов, война станет для нас неизбежной». Немецкий флот, добавил кайзер, «встретится в бою с британским».

На встрече Мольтке высказал предположение, что «столь желанная, по словам кайзера, война с Россией потребует серьезной подготовки». Кайзер согласился и выразил пожелание, чтобы пресса начала «объяснять немецкому народу», что война, которая станет следствием австро-сербского конфликта, затронет «основные национальные интересы» Германии. Инструкция, переданная адмиралом Мюллером канцлеру, Теобальду фон Бетман-Гольвегу, не присутствовавшему на совете, гласила: «На пороге великой европейской войны народ не должен задаваться вопросом, за что воюет Германия. Люди должны заранее привыкнуть к необходимости такой войны»⁴.

Мольтке также придавал большое значение готовности общества принять войну. В начале 1913 г. он последовал примеру Бетман-Гольвега и предостерег своих австрийских коллег от войны с Сербией, несмотря даже на намерение сербов оккупировать Албанию. Мольтке не сомневался в своей правоте; 10 февраля 1913 г. он сказал генералу Конраду фон Гётцендорфу, начальнику австрийского Генштаба, что «рано или поздно начнется европейская война, в которой столкнутся германские и славянские народы», и «хорошо подготовиться к этому противостоянию – долг и первоочередная задача государств, являющихся главными носителями немецких национальных идей и культуры». Но «необходимое условие такой войны – готовность людей жертвовать собой и своими интересами и всеобщий энтузиазм», предупредил Мольтке. Это время еще не пришло.

В июне 1913 г. Черчилль в частной беседе с капитаном Э. фон Мюллером, немецким военным атташе в Лондоне, вновь озвучил предложение о паузе в наращивании военно-морской мощи обеими сторонами. Мюллер недолюбливал британцев и не горел желанием отправляться в Министерство иностранных дел в Берлин или даже напрямую к кайзеру, чтобы сообщить о мирной инициативе Черчилля. Он запросил инструкций у гросс-адмирала Тирпица. Тирпиц посоветовал доложить о разговоре с Черчиллем как можно скорее, причем представить дело так, будто Черчилль рассчитывает затормозить рост германского морского могущества, опасаясь, что в противном случае Великобритания не сохранит свое традиционное первенство на море. Таким образом, инициатива Черчилля была намерено искажена с целью настроить против нее кайзера. Почти год спустя министр иностранных дел Германии Готлиб фон Ягов жаловался немецкому послу в Лондоне: «Хуже всего тенденциозные отчеты вашего военно-морского атташе. Неужели вы не в состоянии его приструнить? Вечная травля и клевета на английскую политику весьма огорчительны, особенно когда используются в высших кругах [то есть кайзером] как довод против моих действий».

⁴ Иммануил Гайсс, в 1961 г. мой коллега по колледжу Святого Антона в Оксфорде, в комментариях к изданным им документам, предшествовавшим войне, назвал замечание, сделанное адмиралом Мюллером после этой важной беседы, «еще одним источником, который по понятным причинам никак не мог войти в *Die grosse Politik*. (July 1914, p. 42, note 4.) *Die grosse Politik der europädischen Kabinette 1871–1914* – 39-томное издание архива немецких документов, опубликованных в Берлине в 1922–1927 гг. *Авт.*

Между тем растущая мощь Германии была очевидна всем и каждому. Весной 1913 г. численность ее постоянной армии, возросшей к прошлому году до 544 000 человек, увеличилась до 661 000. В октябре того же года канцлер объяснил этот рост следующим образом: «Не подлежит сомнению, что, если однажды разгорится общеевропейский пожар, который приведет к прямому конфликту славянских народов с германским миром, мы окажемся в невыгодном положении, так как часть Европы, до последнего времени находившаяся под турецким владычеством, теперь принадлежит славянским государствам».

Сразу после окончания Балканских войн на защиту германских ценностей от славянского посягательства встала не Германия, но ее соседка и союзница Австрия. Под давлением Австрии Турция согласилась на создание независимой Албании, тем самым надежно отрезав Сербию от выхода к Адриатике. В то же время Греция, король которой был женат на сестре кайзера, закрыла Сербии доступ к Эгейскому морю, аннексировав прибрежную Фракию, ранее также бывшую турецким владением.

Одни нации испытывали обиду, недовольство, страх, другие были слишком самоуверенными. Газеты раздували угрозы и напоминали о потерях, правительства играли на националистических предрассудках, чувствах патриотизма и воинской доблести. Тем временем пустыни и болота далеких континентов, казалось, сулили процветание, а в свете конкуренции соперничающих держав даже железная дорога, проложенная через пустыню, выглядела провокацией. Ни одна спорная территория или регион по отдельности не могли стать поводом для войны, но в совокупности все они становились достаточно серьезным раздражителем, поначалу позволившим допустить вероятность, а затем и возможность и даже необходимость войны. «Я сыт по горло войной, призывами к войне и многолетней гонкой вооружений, – в приступе откровенности жаловался другу Бетман-Гольвег в июне 1913 г. – Настало время, когда великим народам хорошо бы наконец успокоиться и заняться мирными делами, иначе произойдет взрыв, которого никто не хочет и который всем нанесет ущерб».

Территориальная алчность и успешные завоевания сыграли свою роль в укреплении теорий о необходимости войны. После победы над Турцией в 1912 г. Италия захватила крупную турецкую североафриканскую провинцию Ливия. Годом позже Болгария, также нанеся поражение туркам, получила доступ к Эгейскому морю с выходом в Средиземноморье. Отрезанная от моря Сербия, убежденная в том, что контроль Австрии над Боснией и побережьем Далмации являлся неприкрытой попыткой закрыть ей выход к Адриатическому морю, во время Второй балканской войны оккупировала Албанию и таким образом приобрела значительный участок побережья Адриатики.

В октябре 1913 г. отмечалась 100-летняя годовщина величайшей военной победы в истории Германии, разгрома Наполеона Пруссией, Австрией, Россией и Швецией в Битве народов под Лейпцигом⁵. В память об этом триумфе кайзер открыл посвященный победе монумент церемонией, призванной подчеркнуть воинскую доблесть Германии, ставшую исторической традицией. На открытии присутствовал начальник австрийского Генштаба генерал Конрад, которому кайзер без обиняков высказал готовность поддержать любые действия Австрии, направленные на выдворение сербов из Албании. Другие державы были к этому не готовы. «Я целиком на вашей стороне, – уверял он. – Вы будете в Белграде через пару дней. Я всегда был сторонником мира, но у всякого терпения есть пределы. Я много читал о войне и знаю, что это такое. Но в конце концов складывается ситуация, когда великая держава не может оставаться сторонним наблюдателем и должна обнажить меч».

---

⁵ Один из моих оксфордских преподавателей, Карл Лейзер, в 1957 г. рассказал мне на семинаре, что Лейпциг, как и Потсдам, исторически был славянским городом. Название города происходит от славянского слова «липа», он был основан примерно за 1000 лет до н. э. славянскими племенами. Лейзер, уехавший из Германии в 1933 г. из-за начавшегося преследования евреев, был экспертом по тысячелетнему славяно-германскому противостоянию. *Авт.*

Оккупация Албании Сербией оказалась коротким триумфом. 18 октября 1913 г. австрийское правительство предъявило Белграду ультиматум с требованием в течение 8 дней вывести из Албании войска. Сербы подчинились. В тот день британский дипломат Айра Кроу справедливо и прозорливо заметил, что «Австрия выбилась из общего хора держав, чтобы в одиночку решить вопрос, до сих пор считавшийся общей проблемой». На следующий день исполняющий обязанности министра иностранных дел Германии Альфред Циммерман сказал послу Великобритании в Берлине, сэру Эдварду Гошену: «Он был удивлен тем, что император Австрии одобрил политический шаг, который при определенных обстоятельствах мог привести к серьезным последствиям, но это произошло, и стало ясно, что ни о каких претензиях к Вене со стороны Германии речь не идет».

В этой последней фразе и кроются предпосылки европейской войны. После того как австрийский ультиматум был отправлен сербам, кайзер послал императору Францу Иосифу и его наследнику, эрцгерцогу Францу Фердинанду, поздравительные телеграммы. Одобрение Германии, прокомментированное Айрой Кроу в конце октября 1913 г., «подтверждает наши предположения, что Германия, притворяясь, будто она не одобряет действия Австрии и глубоко огорчена ими, на самом деле все это время поощряла своего союзника». Несомненно, в Австрии не прошло незамеченным и то, что ни в одной русской газете не прозвучало призыва выступить в поддержку Сербии, что привело бы к конфликту между Австрией и Россией.

Внешне Австро-Венгрия выглядела вполне стабильной и уверенной в себе. «Сложно не принимать в расчет Австрию, – сказал Бисмарк в 1888 г. – Австрия как государство никуда не делась». 2 декабря 1913 г. Рождество в Вене совпало с торжествами по случаю 65-й годовщины правления императора Франца Иосифа. Ни один из прежних европейских государей не находился у власти так долго. Но он не мог ни обуздать стремление народов, которыми правил, к национальной независимости, ни помешать внешним факторам, подпитывавшим эти настроения. Россия была самой активной из крупнейших держав, раздувавших огонь под кипящим котлом национальных страстей. 19 января 1914 г. австрийский губернатор Галиции сообщил в Министерство внутренних дел в Вене: «В последнее время агитация русофильской партии усилилась еще больше... русификация Галиции, поддерживаемая православием, требует большего внимания со стороны административных органов, если они хотят быть готовыми противостоять этому процессу».

В первые месяцы 1914 г. Великобритания в постоянном поиске нефтяных месторождений, необходимых для производства топлива, без которого не могло передвигаться большинство современных боевых кораблей, перехватила инициативу у немцев, договорившись о преобладающей доле в персидских нефтяных разработках, к которым стремилась Германия, строя свою железную дорогу. В то же самое время Уинстон Черчилль, первый лорд Адмиралтейства, дважды предлагавший Германии и Англии взять паузу в постройке новых кораблей, выступил перед правительством с новой инициативой: начать секретные переговоры со своим немецким коллегой, адмиралом Тирпицем, с целью положить конец «нездоровой концентрации флотов в собственных территориальных водах». Министр иностранных дел, сэр Эдуард Грей, отклонил это предложение, аргументировав свой отказ тем, что, если какая-либо информация о переговорах просочится наружу, «пойдут самые невероятные слухи, и мы будем вынуждены постоянно объясняться с послами в Министерстве иностранных дел, а также давать опровержения прессе, отрицая то, что, несомненно, будет нам приписываться». Позиция Грея встретила одобрение большинства министров.

Несмотря на отказ от англо-германских переговоров, ничто не говорило о том, что война может начаться весной или летом 1914 г. Спорные вопросы между государствами могли быть вынесены на обсуждение Международного трибунала в Гааге, основанного в 1900 г. и ставшего символом того, что цивилизованный мир не позволит втянуть себя в самоубийственные

конфликты. Социалисты по всей Европе осудили саму идею войны и повсюду призвали рабочий класс отказываться от участия в капиталистических военных инициативах. Банкиры и финансисты, как и земельная аристократия, с которой они конкурировали, ощущали себя членами большой международной группировки, которая, будучи повязана торговыми отношениями или браками, ничего не выиграла бы от войны, в то время как потери для бизнеса были бы значительными. Некоторые достигнутые соглашения превратили соперничество в кооперацию: 13 августа 1913 г. Великобритания и Германия тайно договорились о создании потенциальных сфер влияния в португальских владениях в Африке. Соглашение, устанавливавшее последующий англо-германский контроль над Анголой и Мозамбиком, было подписано 20 октября 1913 г., через два дня после ультиматума, предъявленного Австрией Сербии. Казалось, не существовало никаких причин для того, чтобы Балканский кризис, пусть даже спровоцированный европейской державой, близкой к Германии, мог препятствовать англо-германским отношениям.

На уровне политической мысли британский писатель Норман Энджелл в книге «Великая иллюзия» (*Great Illusion*) высказал идею, что даже победоносная воюющая держава в результате военных действий неизбежно страдает от чрезвычайных экономических и финансовых потерь. Его предупреждение, впервые опубликованное в 1909 г., было переведено на французский, немецкий, итальянский и русский языки, к 1913 г. выдержав более десяти только англоязычных переизданий. Энджелл подчеркнул, что великие индустриальные державы, Великобритания, США, Германия и Франция, «утрачивают психологическую склонность к войне, так же как мы утратили психологическое стремление убивать своих соседей из-за религиозных разногласий». «Неужели современная жизнь, в которой основное место отводится промышленной деятельности, а военному делу – бесконечно малое, способна разжигать воинственные инстинкты в противоположность тем, что выработаны мирным образом жизни?» Даже прусский юнкер «уже не такой оголтелый фанатик, в нем появились черты ученого».

Энджелл был далеко не одинок, когда указывал на то, что державы, чье соперничество сделало их в общественном мнении столь воинственными, на самом деле тесно связаны между собой узами свободной торговли и промышленной взаимозависимости. В июне 1914 г. существовала компания, принадлежавшая британским и немецким инвесторам и получившая эксклюзивные права на разведку нефти в Месопотамии. Корабли всех европейских стран перевозили в своих трюмах товары, произведенные на полях и фабриках от Атлантического океана до Берингова пролива. Немецкие, французские, британские и российские легковые и грузовые автомобили, которые в случае войны должны были бы перевозить войска и грузы, работали благодаря магнето фирмы Bosch, производившихся исключительно в Германии и импортируемых автопроизводителями всей Европы. В случае войны поставки магнето были бы прекращены, и эту небольшую, но важную часть двигателя пришлось бы изобретать заново и налаживать производство с нуля.

Ацетон – растворитель, используемый в производстве кордита, основного компонента артиллерийских снарядов, – еще один пример взаимозависимости европейских государств. В то время ацетон получали практически исключительно коксованием древесины. Основными поставщиками необходимого сырья были Германия и Австрия, двумя другими – Канада и США. Для производства одной тонны ацетона требовалось не менее восьмидесяти тонн березы, бука или клена. Леса всей Британии не смогли бы обеспечить сто тонн, необходимые на каждый год ведения войны. Импортное дерево было важным компонентом военного производства. В первые полгода после начала военных действий нужда Великобритании в синтетическом ацетоне стала критической, и науке выпала честь решить этот вопрос, хотя производство было налажено только в феврале 1916 г. Одной из областей, в которой Германия являлась безоговорочным монополистом, было производство биноклей. В августе 1915 г. Великобритании пришлось через швейцарских посредников приобрести 32 000 пар немецких биноклей для Западного фронта.

Не только международная торговля и туристический бум начала нового века, но и то, что почти все европейские монархи в результате династических браков стали родственниками, казалось бы, гарантировало нерушимые связи между государствами. Германский кайзер и русский царь были связаны родственными узами и состояли в регулярной дружеской переписке, называя друг друга «Вилли» и «Ники». Письма, которыми они обменивались, вовсе не преисполнены ненависти. И тем не менее постоянное наращивание армии и флота, появление военной авиации и соперничество европейских держав стали причиной растущей напряженности, которая пересилила дружескую переписку, свободную торговлю и здравый смысл.

В начале 1914 г. кайзер привел русских в бешенство, направив в Турцию военного советника генерала Лимана фон Сандерса, представителя высшего командного состава. 12 мая 1914 г. в Карлсбаде начальник немецкого Генерального штаба граф Мольтке сказал своему австрийскому коллеге, барону Конраду, что любая задержка в войне с Россией «снизит наши шансы на победу, мы не в состоянии соперничать с людскими резервами русских». Через неделю, во время автомобильного переезда из Потсдама в Берлин, Мольтке поделился с министром иностранных дел Готлибом фон Яговом своими соображениями о том, что Россия в течение двух или трех лет достигнет максимальной военной мощи и у Германии не остается другого выхода, как «нанести превентивный удар, чтобы разгромить противника, пока это еще возможно». В дорожном разговоре Мольтке с фон Яговом прозвучал и прозрачный намек министру иностранных дел «направлять нашу политику таким образом, чтобы как можно раньше спровоцировать войну».

29 мая полковник Хаус, эмиссар президента Вильсона, писал ему из Берлина: «Ситуация выходит из-под контроля. Это милитаризм на грани помешательства. Если не заставить их взглянуть на вещи под другим углом, рано или поздно катастрофы не избежать». «Никто в Европе не способен это понять, – предупреждал Хаус. – Слишком много ненависти, слишком много зависти. Даже если успокоится Англия, на Германию и Австрию набросятся Франция и Россия. Англия не хочет полного разгрома Германии, потому что тогда ей придется в одиночку столкнуться со своим давним врагом, Россией; но если Германия будет продолжать наращивать флот, у Англии не останется выбора». Приехав в Лондон, Хаус заявил британскому министру иностранных дел, что в Берлине «слышно бряцание оружия, в воздухе ощущается готовность нанести удар».

Даже в тот момент, когда полковник Хаус устно и письменно делился своими предчувствиями, Великобритания и Германия вели переговоры о Багдадском железнодорожном соглашении, чтобы распределить экономические преимущества и избежать территориальных конфликтов в Малой Азии. Но экономические преимущества мирного сосуществования были не единственными выгодами, которые обсуждались тем летом. В начале июня канцлер Бетман-Гольвег сказал министру-президенту Баварии графу Гуго фон Лерхенфельду, что в Германии есть силы, которые ожидают войны, чтобы изменить внутреннюю ситуацию «в консервативном направлении». Но Бетман-Гольвег полагал, что «мировая война с ее непредсказуемыми последствиями лишь укрепит огромное влияние социал-демократии, проповедующей мир, и повергнет престолы во прах».

11 июня в Кенвуд-хаусе⁶, в одном из самых зеленых районов Северного Лондона, специально привезенный из Вены оркестр играл для гостей на великолепном балу и званом ужине. Хозяином вечера был великий князь Михаил, праправнук Екатерины Великой и двоюродный дядя царя, а его гостями – аристократы и знатнейшие люди Европы во главе с королем Георгом V и королевой Марией. У гостей и развлекавших их музыкантов не было никаких причин для

⁶ *Кенвуд-хаус* – архитектурно-парковый ансамбль в лондонском районе Хэмпстед, с 1754 г. резиденция Уильяма Мюррея, 1-го графа Мэнсфилда. В 1925 г. Кенвуд-хаус приобрел лорд Айви из семейства пивоваров Гиннесов, который перевез в усадьбу собственное собрание картин, включая произведения Вермера и Рембрандта, а в 1927 г. передал ее в дар Великобритании. В 1909 г. усадьбу арендовал великий князь Михаил Михайлович с супругой Софией Николаевной (внучкой Пушкина).

беспокойства, они чувствовали себя совершенно непринужденно. Но даже в эту минуту покоя и умиротворения над ними нависла угроза.

Славян под властью Австро-Венгрии, как и сербов в их независимом королевстве, влекла надежда на покровительство царской России, которой правил родственник великого князя. В мае 1914 г. доктор Карел Крамар, глава чешской фракции австрийского парламента, в письме поведал русскому другу о своих соображениях по поводу «славянской конфедерации, управляемой из Санкт-Петербурга», которая возникнет после войны между Россией и Австрией, когда рухнет империя Габсбургов.

Ощущение нестабильности витало над всей громоздкой структурой Австро-Венгерской монархии. Ее главе, императору Австрии и королю Венгрии Францу Иосифу, было восемьдесят три года. Поговаривали, что его племянник и наследник, эрцгерцог Франц Фердинанд, не желая мириться с преобладанием венгерской части в государстве, рассчитывал разделить империю таким образом, чтобы венгерская половина утратила свой особый статус, а сербы и хорваты получили большую самостоятельность. Весной 1914 г. эрцгерцог планировал, по крайней мере на бумаге, будущий «народный парламента», чтобы обуздать мононациональное влияние за счет увеличения в Венгрии значимости невенгерских меньшинств, в том числе двух крупных славянских групп, словаков и хорватов.

12 июня 1914 г. кайзер отправился в Конопишт под Прагой, чтобы провести выходные с Францем Фердинандом. Они отдыхали и развлекались охотой. Главной темой серьезного разговора было благоволение кайзера венгерскому премьер-министру, графу Тисе, чья популярность претила Францу Фердинанду. Кайзер и наследник престола также обсудили визит русского царя к румынской королевской чете в Константе на Черном море. Эрцгерцог как будто бы также спросил кайзера, но очень вскользь, по-прежнему ли готова Германия, как и намекал кайзер во время Албанского кризиса восемь месяцев назад, поддержать Австро-Венгрию в уничтожении сербского «осинового гнезда», которое, в чем Австрия убеждена, способствует нагнетанию антиавстрийских настроений в Боснии и Герцеговине. Кайзер ответил, что Австрия должна что-то предпринять, прежде чем ситуация ухудшится. Он сомневался, что Австрии надо бояться российского вмешательства для защиты Сербии, так как русская армия еще не готова к войне. Из чего следует, что австрийские действия против Сербии получали полную поддержку Германии.

Кайзер покинул Конопишт и уехал в свой дворец в Потсдаме. Девять дней спустя он отправился в Киль на ежегодную Эльбскую регату, Кильскую неделю, время гонок, танцев и удовольствий. Хотя недавно открытый Кильский канал представлял для Великобритании немецкую военно-морскую угрозу, эскадра британских военных кораблей присутствовала в качестве почетных гостей, ее четыре линейных корабля и три крейсера были пришвартованы бок о бок с кораблями императорского флота открытого моря Германии. Матросы и офицеры обоих флотов обменивались восторженными комплиментами и поднимались на борт судов другой державы, чтобы насладиться зрелищем. Вместе они с непокрытыми головами стояли на похоронах британского летчика, погибшего в авиакатастрофе во время торжеств.

На палубе своей гоночной яхты «Метеор V» кайзер находился в центре событий регаты. 26 июня, надев форму британского адмирала флота, он поднялся на борт линкора «Король Георг V». Технически он был старшим среди присутствующих офицером британского Королевского военно-морского флота. Во время его визита произошел забавный инцидент: консул британского посольства в Берлине, сэр Хорас Рамбольд, специально надел в тот день фрак и цилиндр. «Адмирал флота» решил, что дипломат одет неправильно. Указав на цилиндр, он сказал: «Если увижу снова, я его сплущу. Неприлично носить цилиндр на борту военного корабля».

Вечером 27 июня командующий британской эскадрой устроил на борту «Короля Георга V» прием для немецких офицеров. Несколько недель спустя Рамбольд вспоминал, как во время регаты его «невольно впечатлила необычайная сердечность, царившая между немцами и нашими матросами». На следующий день, 28 июня, состоялась яхтенная гонка, за которой с азартом следили немецкие и английские зрители. Сам кайзер участвовал в ней на своем «Метеоре». В то время как он находился в Кильской бухте, на его имя пришла телеграмма, которую положили в портсигар и перебросили на борт яхты. Кайзер прочитал ее: наследник империи Габсбургов, эрцгерцог Франц Фердинанд, принимавший его в Конопиште двумя неделями раньше, был убит в боснийской столице Сараеве вместе с женой. Гонку пришлось отменить, сама Кильская неделя подошла к концу, и кайзер поторопился вернуться во дворец в Потсдаме.

Глава 2

«Вне себя от радости»

28 июня – 4 августа 1914 г.

Убийство наследника Габсбургов произошло в годовщину унижительного для всех сербов события – победы турок в битве на Косовом поле в 1389 г. Официальный визит в Сараево 28 июня 1914 г., в день столь торжественных и скорбных воспоминаний, который, кроме того, был и национальным днем Сербии, выглядел особенно бестактным. Среди публики, собравшейся поглазеть на эрцгерцога и его супругу, проезжающих через город к резиденции губернатора, оказался вооруженный пистолетом 19-летний боснийский серб Гаврило Принцип. Он был одним из шести вышедших на улицы молодых заговорщиков, одержимых мечтой о дне, когда Босния освободится от австрийского ярма и станет неотъемлемой частью Сербии.

В то утро один из сообщников Принципа бросил бомбу в автомобиль эрцгерцога. Бомба отскочила и взорвалась рядом со следующим автомобилем, ранив двух офицеров свиты. Убедившись, что потерпевшие доставлены в больницу, а преступник пойман, эрцгерцог настоял на продолжении поездки в мэрию. Оказавшись на месте, он заметил с досадой: «У вас принято встречать гостей бомбами?» Затем его официально приветствовал мэр города. После церемонии эрцгерцог пожелал поехать в больницу, чтобы навестить раненных утром офицеров. Во время этой незапланированной части пути водитель, Франц Урбан, не знавший города, свернул на узкую улицу, где не было возможности развернуться. Поэтому он сбросил скорость, чтобы сдать назад.

Гаврило Принцип, раздосадованный тем, что его сообщники не справились с заданием (а возможно, и тем, что не ему выпал шанс его выполнить), случайно оказался на тротуаре всего в десяти метрах от места, где автомобиль замедлил ход. Внезапно он осознал, что «потерянная» цель сама движется навстречу. Шагнув вперед, он дважды выстрелил. Поначалу показалось, что никто не пострадал, и Урбан быстро двинулся в нужную сторону. Но оба его пассажира были смертельно ранены. Эрцгерцог, утром избежавший смерти и сердившийся на плохую охрану, умер от потери крови. Его жена скончалась вместе с ним.

Принципа и двух его сообщников подготовили в Сербии члены террористической националистической организации ультрарадикального толка «Черная рука», которую пытались ликвидировать сербское правительство. Задание заговорщикам дал лидер «Черной руки», полковник Дмитриевич (известный также как Апис), заклятый враг Австрии. Получивших оружие в Белграде убийц тайно переправили через австрийскую границу обратно в Боснию. Целью террористов было нанести удар по австрийской правящей верхушке. В 1878 г. турок, несколько столетий господствовавших над этими землями, изгнали из Боснии, но последующая аннексия провинции Австрией серьезно ущемила национальные интересы Сербии. То, что Франц Фердинанд приехал в Боснию, чтобы командовать маневрами двух австрийских армейских корпусов, расквартированных в провинции, которые в случае необходимости могли возглавить австрийскую агрессию против Сербии, было явным подстрекательством и провокацией. Маневры проходили в течение двух дней перед визитом эрцгерцога в Сараево.

Заговорщики не знали, что их жертва была более чем благосклонна к национальным чаяниям всех народов, населявших империю, в том числе и сербов. В дворцовых и политических кругах Франц Фердинанд заслужил репутацию человека, желающего изменить двойственную природу Австро-Венгрии на тройственную, включив в союз Австрии и Венгрии южных славян и предоставив им такую же автономию и права, какими с 1867 г. пользовались венгры.

Симпатии к славянским национальным идеям и выбор супруги за пределами круга представительниц королевских семей и высшей аристократии уже значительно отдалили эрцгерцога от дяди, императора Франца Иосифа. Тот, узнав об убийстве племянника, по слухам, произнес: «Высшей силе было угодно восстановить порядок, который я не смог удержать». Ему, видимо, казалось, что не убийца, но само Провидение предотвратило возможные последствия брака его племянника с особой некоролевской крови.

Замечание Франца Иосифа о «высших силах» услышал граф Парр и передал их своему заместителю, полковнику Маргутти, который десять лет спустя описал этот эпизод в своих воспоминаниях. Один из биографов Франца Иосифа пишет: «Столь суровый комментарий, отражавший опасения императора, что морганатический брак посягает на предопределенную, как он полагал, свыше династическую линию, выглядит настолько искусственным и высокопарным, что, скорее всего, является апокрифом. С другой стороны, только что полученное известие о трагедии, возможно, смутило его разум, внушив мысли о непостижимых путях Провидения»⁷.

Четырнадцать лет назад в этот же день Франц Фердинанд был вынужден принести своему дяде присягу, исключаящую его детей из очереди престолонаследников. Император всегда боялся, что племянник откажется от этой клятвы, когда унаследует трон. Опасность наконец была предотвращена. Новым наследником престола, пятым за время его правления, стал его же внучатый племянник эрцгерцог Карл. «Это принесло мне большое облегчение», – признался император.

Широкая общественность и не догадывалась о том, что известие об убийстве в каком-то смысле успокоило императора, да это и не могло никак повлиять на последствия произошедшего. Всеобщее возмущение, страх перед более обширным сербским заговором привели к вспышке антисербских настроений и беспорядкам в Вене и Брюнне (Брно). Британский генеральный консул сообщал из Будапешта: «Волна слепой ненависти к Сербии и всему сербскому прокатилась по всей стране». Граф Бертольд, министр иностранных дел Австрии, и барон Конрад фон Гётцендорф, начальник австро-венгерского Генерального штаба, считали убийство эрцгерцога подходящим поводом, чтобы решить сербский вопрос. Неясно, что именно они собирались предпринять: аннексировать часть Сербии, подчинить ее полностью или нанести военное поражение, чтобы потребовать крупную компенсацию. Франц Иосиф не был сторонником активных действий, опасаясь, что австрийское нападение на Сербию вовлечет в конфликт другие державы, в частности Россию, которая будет вынуждена прийти на помощь Сербии, ссылаясь на принципы панславянского братства. Так же нерешительно вел себя премьер-министр Венгрии граф Тиса. 1 июля Конрад заметил: «Тиса был против войны с Сербией, он колебался, опасаясь, что Россия нанесет нам удар, а Германия не станет вмешиваться».

Кайзер вернулся из Киля в Берлин в воинственном настроении. «Сербы должны быть повержены в самое ближайшее время!» – написал он на полях телеграммы немецкого посла в Вене от 30 июня. На замечание консула о том, что Сербия заслуживает «мягкого наказания», кайзер ответил: «Надеюсь, что нет». Тем не менее они полагали, что единственный возможный вариант развития событий – стремительная победа Австрии над Сербией без какого-либо широкого резонанса. В этот же день британская эскадра покидала Киль, британский адмирал просигналил германскому флоту: «Друзья в прошлом, друзья навсегда». 30 июня сэр Артур Николсон, один из высших чинов Министерства иностранных дел Великобритании, писал британскому послу в Санкт-Петербурге: «Сараевская трагедия не приведет, я надеюсь, к дальнейшим осложнениям».

---

⁷ Alan Palmer. *The Twilight of the Habsburgs: The Life and Times of Emperor Francis Joseph*. Weidenfeld and Nicolson, 1994. Алан Палмер был моим учителем истории: его увлеченность, о которой в то время свидетельствовал только пример его удачливых учеников, стала широко известна, когда было опубликовано более пятнадцати его работ. *Авт.*

3 июля Берлин заявил, что железная дорога Берлин – Багдад продолжится на юг, до Басры, предоставляя Германии выход на Персидский залив и сухопутный доступ к Индийскому океану. Этим же летом Англия собиралась в течение нескольких месяцев заключить с Германией соглашение, по которому железная дорога не станет причиной конфликта между двумя странами.

Позиция немцев по отношению к Австрии имела решающее значение. 4 июля посол Германии в Лондоне, князь фон Лихновски, только что вернувшийся из Берлина, сказал бывшему британскому военному министру, лорду Холдейну, что он «очень обеспокоен» отношением Германии к происходящему. «Настроения в Берлине таковы, – сообщал фон Лихновски, – что нельзя допускать, чтобы Сербия продолжала интриги и агитацию против Австрии, а Германия должна полностью поддержать Австрию вне зависимости от того, что она предпримет». В тот же день посол Германии в Вене, граф фон Чширски, сказал представителю австрийских властей, что Германия поддержит Австро-Венгрию «и словом и делом», и добавил: «Чем раньше Австрия атакует, тем лучше. Лучше напасть вчера, чем сегодня, а сегодня лучше, чем завтра».

5 июля кайзер дополнил этот совет важным замечанием, подтвердив активную поддержку со стороны Германии и сказав послу Австрии в Германии, графу Согени, что Россия «совершенно не готова к войне» и австрийцы пожалеют, если, признавая необходимость войны с Сербией, «мы упустим настоящий момент, вполне для нас благоприятный». Кайзер добавил: «В случае, если война между Австро-Венгрией и Россией окажется неизбежной», Германия будет на стороне Австрии.

В тот же день в Потсдаме кайзер сказал канцлеру Германии Бетману-Гольвегу и военному министру Пруссии генералу Фалькенхайну, что он «не верит в возможность крупных столкновений. Царь не встанет на сторону убийц эрцгерцога, а Россия и Франция не готовы к войне». Вот почему, объяснил кайзер, «нет никакой необходимости принимать какие-либо особые меры». Затем он вернулся в Киль и утром 6 июля отбыл на императорской яхте Гогенцоллернов в ежегодный трехнедельный летний круиз по норвежским водам.

После убийства эрцгерцога прошло больше недели. Гнев венцев, задержания в Белграде и невозмутимость Берлина были на повестке дня. С отбытием кайзера в круиз Европа стала оправляться от случившегося. В Вене, однако, продолжались тайные дебаты, касавшиеся дальнейшей судьбы Сербии. 7 июля восемь членов австро-венгерского кабинета встретились, чтобы обсудить предложение кайзера о помощи. Председествовавший Бертольд считал, что следует немедленно напасть на Сербию без объявления войны.

Звучали в основном воинственные предложения, в частности – урезать территорию Сербии и сделать ее зависимой от Австрии. Только граф Иштван Тиса выразил императору протест, написав ему на следующий день, что австрийское нападение на Сербию, «учитывая человеческую природу, способно развязать мировую войну», которая, был уверен Тиса, приведет к конфликту не только с Россией, но и с соседней Румынией, поставив империю перед «очень неблагоприятной» перспективой.

Немцы проигнорировали опасения Тисы. Посол Германии в Вене, граф фон Чширски, при встрече с Берхтольдом подтвердил готовность немцев к военным действиям против Сербии. «Он сказал мне, – сообщил Берхтольд Тисе, – что получил телеграмму из Берлина, согласно которой его император поручил ему официально заявить, что Берлин ожидает действий против Сербии, и, если удар по ней нанесен не будет, в Германии это вызовет непонимание». У немцев по-прежнему вызывала опасения позиция России. 7 июля Бетман-Гольвег говорил: «Будущее связано с Россией, она усиливается день ото дня, обступает нас подобно кошмару». На следующий день он сообщил князю фон Лихновски, что «не только экстреми-

сты» в Берлине, «но даже умеренные политики встревожены ростом российской мощи и неизбежностью нападения России».

8 июля, через десять дней после убийства эрцгерцога Франца Фердинанда, высокопоставленный британский генерал сэр Хорас Смит-Дорриен на торжественном ужине заявил своим старым, еще школьным друзьям, что всем им следует готовиться «к грядущей борьбе». Позже он вспоминал, как «по-доброму подшучивали надо мной приятели, спрашивая, что именно так омрачило мое настроение тем вечером». Три дня спустя на встрече в Аппингемской школе директор произнес речь, при которой присутствовали Вера Бриттен, ее брат Эдвард и друг Роланд Лейтон. Позднее она вспоминала, как «мертвую тишину медленно прорезал торжественный и полный почти религиозного пафоса голос директора: «Если человек не может быть полезным своей стране, лучше ему умереть».

9 июля, через одиннадцать дней после убийства, Эдвард Грей попросил немецкого посла в Лондоне, князя фон Лихновски, встретиться с ним в Министерстве иностранных дел. Он сказал послу, что Великобритания «пытается убедить российское правительство сохранять спокойствие по отношению к Австрии, даже если венский кабинет займет самую жесткую позицию из-за убийства в Сараеве». Тем не менее меры, на которые может пойти Австрия, предупредил Грей, «возможно, вызовут взрыв славянских чувств», который сделает «невмешательство русских» невозможным. О каких мерах идет речь, Грей не уточнял. В тот же день его главный дипломатический советник, сэр Артур Николсон, с определенной уверенностью писал британскому послу в Вене: «У меня есть сомнения относительно того, что Австрия предпримет какие-либо серьезные шаги, и я ожидаю, что буря пройдет мимо».

Николсон убедился бы в правомочности такого оптимистичного прогноза, узнай он о секретном докладе, 13 июля поступившем из Сараева в Вену, в котором сообщалось, что доказательств причастности сербского правительства к убийству не обнаружено. Желание Австрии наказать Сербию все еще было сильным, но подкреплялось лишь уверенностью в том, что Германия поддержит карательную акцию. Когда Берхтольд окончательно убедил Франца Иосифа, что Австрия сможет свершить возмездие без вмешательства каких-либо других держав, принявших сторону Сербии, старик неохотно согласился на ультиматум. Первый шаг к войне был сделан. Надежды Николсона не оправдались.

В Вене продолжались тайные и открытые дебаты: нужно ли принять меры против Сербии? Оптимистичный комментарий Николсона был написан в ответ на предупреждение одного из его подчиненных, что «явная глупость бездумной антисербской политики для Австрии совершенно не очевидна, и таково реальное положение дел в сильно накалившейся обстановке». Молодой чиновник был прав. Его звали Роберт Ванситарт. Двадцать лет спустя он сам стал министром иностранных дел и был жестким противником политики умиротворения Германии.

Никакого ультиматума из Австрии в Сербию отправлено не было, и ощущение кризиса стало спадать. 16 июля в Лондоне в беседе по поводу международной обстановки и опасности «большого костра войны» Норман Энджелл перед большой аудиторией, состоявшей в основном из социалистов, сказал: «Молодое поколение, я верю, решительно настроено против того, чтобы стать бессмысленной жертвой произвола властей».

Пока Норман Энджелл выражал уверенность в «молодом поколении», последние сомнения у представителей старшего поколения в Вене рассеялись. 14 июля австрийский совет министров решил предъявить ультиматум в течение недели. Два дня спустя немецкий посол в Лондоне, князь фон Лихновски, в письме канцлеру Германии не без язвительности заметил, что австрийские власти должны винить себя в убийстве Франца Фердинанда, раз уж отправили его в Сараево, на «аллею бомбометателей». Даже министр иностранных дел Сербии написал австрийскому министру финансов, имевшему обязательства перед Боснией и Герцеговиной,

что этот визит был неразумным шагом. Но теперь все это осталось в прошлом: в строжайшей секретности высшим властям в Берлине сообщили о дате предъявления австрийского ультиматума Сербии. Никаких возражений со стороны Германии не последовало. Руководство немецкой армии было готово к войне. 17 июля заместитель начальника Генерального штаба, генерал Вальдерзее, писал из Берлина министру иностранных дел фон Ягову: «Я буду здесь и готов к действию, весь Генеральный штаб к этому готов».

Ягов, как и кайзер, верил, что Россия не станет вмешиваться. 18 июля он сообщил Лихновски в Лондон: «Чем решительнее ведет себя Австрия и чем энергичнее мы ее поддерживаем, тем скорее прекратит возмущаться Россия. Чтобы не потерять лица, Санкт-Петербург конечно же поднимет шум, но все это никак не отменяет того факта, что Россия сейчас не готова к войне».

Условия австрийского ультиматума были сформулированы в Вене к 19 июля. Возлагавший на Белград ответственность за убийство Франца Фердинанда, он содержал пятнадцать требований, в том числе обязательное осуждение сербскими властями антиавстрийской пропаганды, создание совместной австро-сербской комиссии по расследованию убийства, арест пограничников, помогавших террористам пересечь границу, твердое обещание прекратить любые посягательства на Боснию. Сербам также вменялось в обязанность наказывать всех, причастных к распространению антиавстрийской пропаганды, везде, от школ до различных националистических обществ. Кроме того, австрийские офицеры и чиновники должны были участвовать в расследованиях, судебных разбирательствах, а также в определении наказаний и приведении их в исполнение.

19 июля на заседании австрийского Совета министров всем, в том числе и генералу Конраду фон Гётцендорфу, было ясно, что Сербия отвергнет эти требования и последуют карательные военные действия со стороны Австрии. Гётцендорф, ярый сторонник войны, определил, что ее цель – контроль Австрией боснийских границ.

21 июля Франц Иосиф согласился с условиями ультиматума под влиянием сведений о том, что в заговоре участвовали некоторые организации в Сербии, и из страха перед сербской экспансией. На следующий день министр иностранных дел России, Сергей Сазонов, призвал австрийцев воздержаться от радикальных мер. Предупреждение явно запоздало, к тому же его не подкрепляла какая-либо угроза военных действий со стороны России.

Но австрийский ультиматум еще не был предъявлен. 23 июля британский министр финансов, Дэвид Ллойд Джордж, заявил в палате общин, что благодаря «цивилизованному подходу» трудности в урегулировании споров между народами легко преодолеваются с помощью «здорового и взвешенного арбитража». «Отношения с Германией сейчас лучше, чем когда-либо за последние несколько лет», – отметил он. В бюджете на следующий год были серьезно урезаны расходы на военные нужды. Между тем вечером 23 июля австрийский ультиматум доставили в Белград. Ответ ожидался в течение следующих сорока восьми часов.

На следующий день, ознакомившись с австрийским ультиматумом Сербии, Грей назвал его «самым чудовищным документом, когда-либо направленным одним государством другому». В тот же день российский Совет министров в обстановке строжайшей секретности согласовал мобилизацию тринадцати армейских корпусов, которые «планировалось» в случае боевых действий использовать против Австрии, публично заявив, что Россия «не останется равнодушной». Следующий день, омраченный развитием австро-сербского кризиса, продемонстрировал и грядущие осложнения для Великобритании: первый немецкий военный корабль проследовал через недавно расширенный Кильский канал, на деле доказав способность Германии быстро и безопасно перебрасывать корабли из Балтийского моря в Северное.

Стало ясно, что последствия австрийского ультиматума могут оказаться весьма серьезными для континентальной Европы. Однако кое-кто в Великобритании дистанцировался от

европейских неурядиц. Премьер-министр, Г. Г. Асквит, сказал Георгу V, что Европа «находится в шаге от Армагеддона», но, как бы ни была обеспокоена Великобритания, «к счастью, нет, кажется, никаких причин, почему нам не остаться простыми наблюдателями происходящего». Первый лорд Адмиралтейства Уинстон Черчилль писал жене, что Европу «лихорадит в преддверии всеобщей войны» и что австрийский ультиматум был «самым наглым из когда-либо написанных документов подобного рода». Британский атташе в Берлине, сэр Хорас Рамбольд, писал жене: «Через два часа истекает срок ультиматума, и австрийцы, вероятно, будут в Белграде в понедельник. Господь знает, что будет потом, и, между нами, нам крупно повезет, если удастся выйти из положения, не увязнув в долгой и страшной войне в Европе, и вообще если все не передерутся».

Сербия совершенно не хотела соглашаться на возмутительные требования Австрии, но еще сильнее она желала избежать нападения могущественного соседа. Стремление защитить свои права и инстинкт самосохранения едва ли можно было согласовать между собой. Император Франц Иосиф отдал приказ о частичной мобилизации, но она не начиналась еще три дня и оказалась так плохо организована, что затянулась более чем на две недели.

25 июля в 15:00 Сербия объявила мобилизацию. Три часа спустя она ответила на ультиматум, согласившись, как того требовала Австрия, с тем, что все лица, причастные к распространению антиавстрийской пропаганды, будут наказаны, а подрывные элементы задержаны. Все замешанные в убийстве эрцгерцога будут привлечены к ответственности. Наиболее вызывающий из десяти основных пунктов ультиматума – требование «согласиться с участием органов императорского и королевского правительства в преследовании на территории Сербии движения, направленного на подрыв целостности монархии» – предлагалось обсудить в Международном трибунале в Гааге.

Через полчаса после сербского ответа Австрии, оцененного внешними наблюдателями как примирительный и даже унижительный, посол Австрии, барон Гисль, покинул Белград. Правительство Сербии, опасаясь немедленного нападения на столицу, которую от Австрии отделял только Дунай, поспешно перебралось на юг, в провинциальный город Ниш. Неожиданной проблемой, привлечшей всеобщее внимание и даже насмешившей мировое сообщество, стало то, что начальник Генерального штаба сербской армии генерал Путник, возвращаясь на поезде с божемского бальнеологического курорта, в Будапеште был задержан полицией. Франц Иосиф, возмущенный тем, что генерал был арестован венграми, приказал принести ему извинения и предоставить специальный поезд для возвращения в Сербию.

Австрия и Сербия все еще не находились в состоянии войны. Обе страны оказались к ней не готовы: 26 июля Конрад объяснял Берхтольду, что полномасштабное австрийское вторжение в Сербию будет невозможно в течение нескольких недель. В России все обстояло еще плачевнее, и царь, подчеркивая, что Россия не может оставаться равнодушной к судьбе Сербии, 27 июля пожелал начать переговоры с Веной, чтобы обсудить ультиматум. Австрийцы ответили отказом. Предложение Британии созвать в тот же день конференцию четырех держав – Великобритании, Германии, Франции и Италии – «с целью изыскания возможности предотвратить осложнения» Германия отвергла на том основании, что такая конференция не принесет практической пользы. В тот же день британское Военное министерство поручило генералу Смит-Дорриену обеспечить охрану «всех уязвимых пунктов» на юге Великобритании.

Перспектива общеевропейской войны вынудила тех, кто до сих пор не определился или не высказал свое отношение к происходящему, сформулировать свою позицию по отношению к назревающему кризису. 27 июля член либерального правительства, выходец из рабочей среды Джон Бернс, записал в дневнике: «Почему четыре великие державы должны сражаться из-за Сербии, никто понять не в силах. Войну надо предотвратить любыми доступными средствами». Он считал «своим особым долгом отделить самого себя, свои принципы и свою

ответственность перед рабочим классом от такого вселенского преступления, каким станет эта война».

В тот же день Бернс выразил свои чувства на заседании кабинета министров. Когда совещание закончилось, Ллойд Джордж сообщил ведущим либеральным журналистам, что «о нашем участии в войне на ведущих ролях не может быть и речи». Он не знал ни одного министра, который «поддержал бы подобную идею». Участники заседания, однако, согласились, что 1-й и 2-й флоты, по стечению обстоятельств сосредоточенные близ Портленда в Ла-Манше, по окончании назначенных полугодом ранее учений не следует распускать по портам приписки. Черчилль, сознававший, что Великобритания может оказаться втянутой в войну в силу своих союзнических обязательств перед другими странами, во второй половине дня получил одобрение Асквита на создание специальных вооруженных отрядов охраны и распределение их по складам боеприпасов и хранилищам топлива, а также известил всех командиров флотов: «Европейская политическая ситуация делает войну между Тройственным союзом и Антантой вполне вероятной. Это не предупреждение, но будьте готовы к возможному появлению вражеских кораблей».

Опасаясь, что кризис будет разрешен, прежде чем австрийские войска окажутся в Белграде, германское командование добивалось от Австрии активных действий против Сербии и требовало начать наступление в максимально короткие сроки, чтобы исключить возможность вмешательства других сторон. В Берлине все еще рассчитывали, что более масштабного конфликта удастся избежать. «Война пока не началась, – сказал кайзер другу 27 июля, – и если я смогу, то предотвращу ее». На следующий день австрийский посол в телеграмме из Берлина сообщил графу Берхтольду: «Нам настоятельно рекомендуют действовать быстро и поставить мир перед свершившимся фактом». Серию следовало наказать до того, как война распространится на другие страны. Германскому Верховному командованию так не терпелось увидеть нападение прежде, чем остальной мир успеет среагировать, что оно призывало Австрию не ждать окончания мобилизации, для завершения которой требовалось еще около двух недель.

Через пять дней после австрийского ультиматума ведущую роль среди европейских государств, пытавшихся предотвратить агрессию против Сербии, взяла на себя Великобритания. Она также разработала проект по сближению Австрии и России. Но посол Австрии в Берлине, докладывая в Вене о предложениях Британии и ее посредничестве, подчеркнул, что правительство Германии «не берет на себя никаких обязательств, а, напротив, выступает решительно против рассмотрения этих предложений и обсуждает их лишь для удовлетворения просьбы Британии». 28 июля британский посол в Вене предупредил Лондон, что «австрийцы вне себя от радости при одной лишь мысли о войне, и попытка отсрочить или предотвратить войну с Сербией, несомненно, станет для них огромным разочарованием».

Затем произошел странный эпизод, который держался в тайне до конца войны. Кайзер, впервые читая утром того дня полный текст австрийского ультиматума и сербский ответ, вообще не увидел никаких причин для объявления войны и написал на полях: «Великая моральная победа для Вены, но с ней исчезают все основания для войны, и Гисль может спокойно оставаться в Белграде. На таком основании я никогда бы не отдал приказ о мобилизации». Он предложил, чтобы «для восстановления чести Австрии ее армия в качестве залога временно оккупировала Белград». Тогда и могли бы начаться переговоры об окончании краткого военного конфликта. «Я уверен, – писал кайзер Ягову, – что в целом пожелания монархии на Дунае удовлетворены. Оговорки по отдельным пунктам, на которых настаивает Сербия, можно прояснить в процессе переговоров. Но ее ответ содержит фактическое признание *orgi et urbi*⁸ капитуляции самого унижительного рода и устраняет повод к войне».

⁸ К городу и миру, то есть публичное (лат.).

Но время для мирных переговоров уже истекло: в полдень того же дня, менее чем через час после того, как Вильгельм выразил свои столь миролюбивые помыслы, Австрия, уверенная в поддержке Германии при условии дальнейшей эскалации конфликта, объявила войну Сербии. Так начался первый военный конфликт Первой мировой. Всего две страны находились в состоянии войны – Австрия и Сербия. Россия и Германия, несмотря на приготовления, не торопились вступать в схватку. Охватит ли война всю Европу? Узнав об объявлении войны австрийцами, Уинстон Черчилль, отвечавший за военно-морской флот Великобритании, писал жене: «Неужели эти безголовые короли и императоры не могли собраться и спасти народы от ада? Но все впали, похоже, в какое-то тупое оцепенение. Словно все это не их дело».

То были не праздные полночные размышления, лишённые практического смысла: утром 29 июля Черчилль предложил британскому правительству созвать правителей Европы «ради сохранения мира». Но, несмотря на запоздало высказанное кайзером удовлетворение сербским ответом, европейским государям не хватало силы воли, чтобы попытаться остановить надвигающуюся бойню, а тем временем каждое военное и военно-морское ведомство стремилось как можно лучше подготовиться к войне. В тот день, когда немецкий флот начал мобилизацию, британский флот был направлен к его военным базам в Северном море, обозначив готовность Великобритании отразить германское нападение на море или прикрыть войска, которые будут переправляться во Францию через Ла-Манш.

29 июля у Берлина появилась надежда на невмешательство Великобритании в разгоравшийся конфликт. Несколькими днями раньше брат кайзера, принц Генрих Прусский, принимавший участие в Коузской регате в Великобритании, навестил в Букингемском дворце своего кузена Георга V, после чего сообщил, что король заверил его: «Мы постараемся сделать все возможное, чтобы держаться в стороне от происходящего и сохранить нейтралитет». Один из биографов кайзера в этой связи заметил, что «хотя, судя по прошлому опыту, принц Генрих, возможно, из-за непонимания языковых тонкостей, весьма неточно передавал высказывания своих английских родственников, кайзер уделял его сообщениям больше внимания, чем любым другим докладам из Лондона или донесениям военно-морской разведки»⁹. Когда адмирал Тирпиц усомнился в том, что Великобритания сохранит нейтралитет, кайзер ответил: «У меня есть слово короля, и этого для меня вполне достаточно».

Утром 29 июля, когда над приграничными фортами Сербии нависла неотвратимая угроза артиллерийского обстрела, Россия официально объявила о частичной мобилизации своего огромного населения. Хотя в тот день объявления войны Австрии не последовало, в армию были призваны почти шесть миллионов человек. Русские солдаты и артиллерия отправлялись в армейские лагеря и на укрепления вдоль австрийской границы. Военный министр России генерал Сухомлинов настаивал на всеобщей мобилизации, но царь отклонил его предложение. По крайней мере один из суверенов еще надеялся, что войны удастся избежать. Но теперь на первый план вышли армии и флоты, и власть повсеместно сосредоточилась в руках глав военных ведомств и генеральных штабов.

29 июля в Берлине сэр Хорас Рамбольд оказался возле дворца кронпринца в момент, когда тот подъезжал на машине к своей резиденции. «Толпа зашла от восторга, воздух был буквально наэлектризован. Все понимали, что вскоре должно произойти нечто очень важное. Повсюду сновали оливково-серые автомобили Генерального штаба».

И Россия, и Франция настаивали на том, чтобы Англия подтвердила свои союзнические обязательства, публично заявив, что в случае нападения Германии на Францию выступит на стороне последней. Но Грей отказывался от любых обязательств, хотя Сазонов, его российский коллега, считал, что это необходимо не для ведения боевых действий, а для сдерживания агрессора. Сазонов утверждал, что если Великобритания займет твердую позицию бок о бок

⁹ Alan Palmer. The Kaiser. Warlord of the Second Reich. L.: Weidenfeld and Nicolson, 1978. P. 172. *Авт.*

с Францией и Россией, то никакой войны не случится. В противном случае прольется море крови, и Великобритания тоже будет втянута в конфликт. Итальянское правительство поддержало эти требования, но британское правительство не собиралось связывать себя обещаниями, и 29 июля Грей заявил французскому послу в Лондоне: «Если Германия и Франция готовы вступить в схватку, то нам еще предстоит решить, как следует поступить».

29 июля Германия в обмен на британский нейтралитет тайно обещала не посягать ни на какие французские территории, за исключением колоний. Грей отклонил это предложение, а когда позже предал его гласности, все увидели в нем проявление немецкого цинизма, и возмущению англичан не было предела.

В Санкт-Петербурге ходили слухи, что планы Австрии, возможно, распространяются «далеко за рамки» карательной оккупации сербской территории. Сама независимость Сербии была под угрозой. 29 июля частичная мобилизация в России совпала с первым обстрелом Белграда австро-венгерской артиллерией и мониторами¹⁰ на Дунае. Русская общественность негодовала. Напуганный перспективой войны с Германией, царь обратился непосредственно к кайзеру, с которым более двадцати лет состоял в дружеской переписке. «Чтобы попытаться избежать такой беды, как европейская война, – телеграфировал царь по-английски, – прошу вас во имя нашей старой дружбы сделать все возможное, чтобы остановить ваших союзников, пока они не зашли слишком далеко». Эта телеграмма, подписанная «Ники», пересеклась с телеграммой от кайзера, также на английском и с подписью «Вилли»: «Я использую все свое влияние, чтобы побудить австрийцев достичь с вами соглашения».

Во второй половине того же дня, получив телеграмму кайзера, царь, в свою очередь, телеграммой отдал военному руководству приказ отменить всеобщую мобилизацию, ограничившись частичной. Затем он предложил кайзеру для разрешения австро-сербского конфликта обратиться в Гаагский суд. Позже в тот же вечер кайзер посоветовал царю не вмешиваться в австро-сербский конфликт и не вовлекать Европу в самую ужасную из возможных войн. Он также обещал свою помощь в укреплении взаимопонимания между Россией и Австрией. Взволнованный царь попытался отменить свой предыдущий приказ о частичной мобилизации, но министр иностранных дел Сазонов и начальник Генерального штаба Янушкевич убедили его, что это уже невозможно: мобилизация идет полным ходом по всей территории Российской империи. После полуночи царь вновь телеграфировал кайзеру: «Необходимо, чтобы вы оказали на Австрию сильное давление для достижения полного взаимопонимания между нами».

Между тем Австрия вовсе не намеревалась выносить конфликт с Сербией на рассмотрение Гаагского суда, равно как и кайзер не в силах был помешать своему Генеральному штабу принять меры в ответ на объявленную в России мобилизацию. Как только известие о мобилизации в Германии достигло Санкт-Петербурга, Сазонов и Янушкевич стали настаивать на подписании приказа о всеобщей мобилизации. В противном случае польские губернии оставались незащищенными.

30 июля в 4 часа царь подписал приказ о всеобщей мобилизации. Русская общественность приветствовала подобное выражение солидарности с братьями славянами. Но надежды России на то, что объявление мобилизации помешает началу войны, не оправдались. Австрия на Русском фронте могла противопоставить российским шести три миллиона человек. Утром 31 июля немецкий канцлер Теобальд фон Бетман-Гольвег отправил Берхтольду в Вену телеграмму, в которой просил Австрию не проводить мобилизацию для войны с Россией. Одновременно генерал Мольтке, начальник Генерального штаба, посоветовал своему австрийскому коллеге, генералу Конраду фон Гётцендорфу, безотлагательно начать всеобщую мобилизацию. Берхтольд заметил по этому поводу: «Кто же у них в Берлине главный? Мольтке или Бетман?»

---

¹⁰ *Монитор* (от *англ.* monitor – наблюдатель) – класс броненосных кораблей, преимущественно прибрежного или речного действия, для подавления береговых батарей и разрушения береговых объектов.

Уверенная в поддержке Германии в случае вступления России в войну, Австрия начала всеобщую мобилизацию. Во второй половине дня Германия направила России ультиматум с требованием в течение двенадцати часов «прекратить любые военные действия, направленные против Германии и Австро-Венгрии». Россия ответила отказом.

Не сомневаясь в быстрой победе над тяжеловесной, неуклюжей русской военной машиной, Германия была готова объявить войну России. Прежде всего она обратилась к Франции с настоятельной просьбой сохранять нейтралитет в конфликте между Россией и Германией. Франция отказалась: с 1894 г. французы были союзниками русских. Во Франции, не откладывая, приступили к мобилизации, и вот уже около трех миллионов солдат толпились на перронах и собирались в казармах. В этом подготовительном маневре было задействовано ровно 4278 железнодорожных составов. Но, несмотря на приказ о мобилизации, Франция медлила с объявлением войны Германии. «Всегда остается надежда, хотя тучи над головой сгущаются, – пишет Черчилль жене 31 июля, а затем излагает мнение кабинета министров о предполагаемом развитии событий: – Германия осознает, насколько велики противостоящие ей силы, и попытается, хотя бы с опозданием, сдержать своего неразумного союзника – Австро-Венгрию. Со своей стороны, Британия постарается унять Россию».

Но и дипломатия, и колебания отдельных лиц не в силах были сдержать стремительное движение к катастрофе. 31 июля Жюль Камбон, французский посол в Берлине, и барон Эжен Бейанс, бельгийский государственный министр, призвали своего американского коллегу, Джеймса У. Джерарда, предпринять какие-то шаги для предотвращения войны. Джерард не получил пока никаких инструкций из Вашингтона, но он немедленно написал Бетман-Гольвегу: «Ваше превосходительство, чем моя страна может помочь? Могу ли я как-то остановить эту ужасную войну? Я уверен, что президент США одобрит любые мои действия, направленные на сохранение мира». Ответа Джерард не получил.

Тем временем во Франции мобилизация вызвала волну энтузиазма. Десять лет Социалистическая партия призывала пролетариев всех стран к солидарности. Лидер социалистов Жан Жорес и главная газета партии Humanité стремились создать антивоенную коалицию французских и австрийских социалистов. Напрасно Жорес апеллировал к единству интересов рабочего класса Европы и от лица рабочих требовал остановить все приготовления к войне и отменить мобилизацию. 31 июля, когда патриотическая лихорадка охватила все общество, он был убит фанатиком-националистом.

Жорес был не единственным, кто видел опасность милитаризма. 31 июля в Берлине один из ведущих немецких промышленников, Вальтер Ратенау, выступил в газете Berliner Tageblatt с критикой безоглядной поддержки, которую Германия оказывала Австрии. «Без этой поддержки, – писал он, – Австрия, возможно, не решилась бы на этот шаг». По его мнению, вопрос об участии австрийских властей в расследовании заговора в Сербии не должен был стать «причиной международной войны». Ратенау был убит семь лет спустя, но после окончания войны эта статья навлекла на него обвинения в предательстве, хотя Ратенау, когда война все же началась, отдал ей весь свой опыт промышленника и всю свою энергию.

Те немцы, которые считали, что победоносная война с Россией откроет для страны новые перспективы, столкнулись с серьезной проблемой. Если Франция соберет все силы и объявит Германии войну, пока немецкая армия будет наступать на Востоке, на Западе Германию может ждать сокрушительный удар, а возможно, и поражение. Чтобы предотвратить такое развитие событий, уже давно был разработан план, подробности которого знал каждый немецкий генерал, – сначала стремительно разгромить Францию, а затем всей мощью обрушиться на Россию. Этот план был детищем Альфреда фон Шлиффена, с 1891 по 1905 г. начальника немецкого Генерального штаба: двенадцать лет, потраченные на его усовершенствование, должны были гарантировать успех.

План Шлиффена, завершённый в 1905 г., предполагал немецкое наступление через Бельгию и Голландию на север Франции в обход укрепленной французской границы и удар по Парижу в результате стремительного броска с севера. Даже после отставки Шлиффен продолжал дорабатывать свой план: последние изменения он внес в декабре 1912 г., незадолго до смерти. Его преемник на посту начальника Генерального штаба, генерал Мольтке, сократил маршрут наступления, исключив Голландию (в 1940 г. Гитлер восстановил этот этап), но по мере того как война с Россией становилась неотвратимой, появился модифицированный план Шлиффена, позволявший избежать войны на два фронта и одержать двойную победу.

На захват Парижа и разгром Франции отводилось шесть недель. Затем Германия могла начать войну против России. Это были скрупулезные, точные и успокаивающие расчеты. 31 июля Британия потребовала от Франции и Германии ответа на вопрос, намерены ли они уважать нейтралитет Бельгии, гарантом которого выступала Британия. Франция пообещала, Германия ничего не ответила.

Лихорадочная деятельность охватила все европейские столицы. «Весь австрийский персонал, годный к военной службе, сразу же уехал, – вспоминала события 1 августа в Константинополе Бетти Канлифф-Оуэн, муж которой был там британским военным атташе. – Я особенно жалела маркизу Паллавичини (супругу посла). Она была англичанкой, и ее сердце, наверное, разрывалось. Оба ее сына служили в австрийской армии. Она немедленно отправилась в Вену, желая увидеться с ними, пока они не уехали на фронт». В тот день первый секретарь немецкого посольства граф Краниц заметил в разговоре с мужем Бетти Канлифф-Оуэн: «Друг мой, долгие годы главными проблемами Британии были ирландский вопрос и женское равноправие – какой смысл переживать из-за ссор других народов? Сначала нужно навести порядок в собственном доме».

В Мюнхене на многолюдном митинге, состоявшемся 1 августа на Одеонплац, восторженная толпа приветствовала новости о надвигающейся войне громкими криками. Среди фотографий участников митинга, запечатленных в момент всеобщего ликования, есть снимок австрийца Адольфа Гитлера, который в то время едва сводил концы с концами, продавая свои акварели. Французский художник Поль Маз в тот же день в Париже слышал доносившиеся отовсюду крики: «На Берлин!» На площади Конкорд он наблюдал, как французская кавалерия «очень красиво» проезжала по площади – офицеры были в белых перчатках, а «стук копыт смешивался с криками толпы, бросавшей военным цветы». Весь день солдаты маршировали через Париж к железнодорожным вокзалам. «Когда проезжала артиллерия, пушки украшали цветами, и женщины вскакивали на передки орудий, чтобы поцеловать солдат». В тот день глава русской военной миссии в Париже граф Игнатьев телеграфировал в Санкт-Петербург, что французское Военное министерство «всерьез предлагает, чтобы Россия вторглась в Германию и начала наступление на Берлин». Подобная просьба, заметил генерал Головин, «была равносильна предложению России совершить самоубийство в полном смысле этого слова».

В тот день царь отправил кайзеру еще один призыв, пытаясь не допустить войны между Россией и Германией. «Наша давняя крепкая дружба должна, с Божьей помощью, предотвратить кровавую бойню», – телеграфировал он. Однако кайзер, который поощрял Австрию, тем самым способствуя развитию кризиса, теперь был намерен выполнить данное австрийцам обещание, если они подвергнутся нападению со стороны России. В пять часов пополудни он отдал приказ о мобилизации. Затем, через несколько минут, в надежде избежать широкомасштабной войны кайзер ухватился за соломинку – телеграмму из Лондона от Лихновски, в которой тот предполагал, что Британия, возможно, предпочтет сохранить нейтралитет и гарантирует невмешательство Франции в русско-немецкую войну, если Германия не атакует Францию. «Теперь мы можем начать войну только с Россией. Мы просто отправим всю нашу армию на Восток!» – с торжеством заявил кайзер начальнику Генерального штаба Гельмуту фон Мольтке.

Мольтке тут же возразил, что в план нападения на Францию невозможно внести какие-либо изменения – он уже приведен в действие. Немецкая дивизия, двигавшаяся на запад от Трира, вот-вот должна была захватить железные дороги Люксембурга – это была часть плана Шлиффена и важный этап в подготовке к войне на Востоке, чтобы избежать действий на два фронта. Ему не удалось убедить кайзера, и тот отправил в Трир телеграмму, чтобы остановить войска. Но к одиннадцати часам он передумал и сказал Мольтке, что гарантии нейтралитета Британии и Франции, на которые он надеялся, иллюзорны, и операцию на Западе необходимо довести до конца. Войскам в Трире было приказано двигаться дальше.

«Триста миллионов человек сегодня оказались во власти страха и слепой судьбы, – писала 1 августа лондонская вечерняя газета и далее вопрошала: – Неужели никто не сможет снять это заклятие, неужели ни один луч света не упадет на эту холодную и мрачную сцену?» Не читавший газету король Георг V, кузен и русского царя, и немецкого кайзера, в тот же день телеграфировал Николаю II: «Мне остается только предположить, что это безвыходное положение возникло в результате недоразумения. Я всеми силами стараюсь не упустить ни одной возможности предотвратить страшное бедствие, угрожающее ныне всему миру».

Георг V просил царя, чтобы тот «оставил открытым путь для переговоров и сохранения мира». Сэр Эдвард Грей надеялся, что королевская инициатива способна оказать определенное воздействие. «Если удастся выиграть время, прежде чем великие державы развяжут войну, – телеграфировал он британскому послу в Берлине, – возможно, удастся сохранить мир». Телеграмма Грея в Берлин и телеграмма Георга V в Санкт-Петербург достигли адресатов вечером 1 августа. Но они, как и телеграмма царя кайзеру, пришли слишком поздно. В тот вечер посол Германии в России граф Пурталес явился к русскому министру иностранных дел Сазонову и вручил ноту с объявлением войны.

«Вы совершаете преступное дело, – сказал Сазонов послу. – Проклятие народов падет на вас». – «Мы защищаем нашу честь!» – ответил посол. «Ваша честь не была затронута, – возразил Сазонов. – Вы могли одним словом предотвратить войну, но вы не желаете этого». Немецкий посол заплакал, и министр иностранных дел проводил его до дверей кабинета.

Германия объявила войну России. «Жены и матери с детьми сопровождали резервистов на сборные пункты, оттягивая момент расставания, и повсюду разыгрывались душераздирающие сцены, – вспоминал впоследствии полковник Нокс, британский военный атташе в Санкт-Петербурге, – но женщины плакали молча, без истерик. Мужчины были мрачными и притихшими, но отряды новобранцев, встречаясь на улицах, приветствовали друг друга». Бросая вызов Германии и всему немецкому, Санкт-Петербург, названный в честь святого покровителя основавшего его Петра Великого, переименовали в Петроград¹¹.

Вечером 1 августа русский министр иностранных дел ужинал с британским послом, сэром Джорджем Бьюкененом, дочь которого Мэриел впоследствии вспоминала: «Четыре раза за вечер господина Сазонова вызывали, телефон звонил непрерывно, а площадь на улице была заполнена народом, распевавшим национальный гимн. До позднего вечера толпа осаждала двери посольства, выкрикивая здравницы британскому флоту и задавая один и тот же вопрос: поможет ли Англия, встанет ли на их сторону?»

В тот же вечер немецкие войска вошли в Люксембург – это был давно подготовленный стратегический удар по Франции. Военная операция больше походила на небольшую стычку. Ее целью был захват железнодорожного и телеграфного узла.

---

¹¹ В честь основателя Советского Союза большевики переименовали Петроград в Ленинград. В 1991 г. городу вернули его первоначальное название – Санкт-Петербург. *Авт.*

Началась борьба из-за военных поставок. Во Франции власти конфисковали пятьдесят монопланов, построенных по заказу турецкого правительства. Британия оставила себе два линкора, также построенные для Турции: один из них должен был присоединиться к немецкому океанскому флоту, как только будет спущен на воду. В Данциге немецкие власти намеревались реквизирировать два легких крейсера, строившиеся по заказу России. «Все это было и остается весьма захватывающим, – писал утром 2 августа Хорас Рамбольд из британского посольства в Берлине, – но страшно представить, что готовят нам следующие несколько месяцев».

2 августа немецкие военные патрули впервые с 1871 г. пересекли французскую границу. В Жоншере, близ немецко-швейцарской границы, был убит французский капрал Жюль Андре Пежо – он стал первой жертвой войны, стоившей жизни более чем миллиону французов. В тот же день была объявлена всеобщая мобилизация британского флота, который получил приказ преследовать два немецких военных корабля, следовавшие через Средиземное море в Турцию. Британия также дала секретное обещание Франции, что, если немецкий флот войдет в Северное море или Ла-Манш, угрожая французскому судоходству, британский флот окажет французским судам «всевозможное содействие».

Однако немецкий план ведения войны был основан не на морской победе над Францией в Северном море или Ла-Манше, а на стремительном сухопутном броске через Бельгию. Для достижения этой цели в семь часов вечера 2 августа Германия предъявила властям Бельгии ультиматум, срок которого истекал через двенадцать часов: Бельгия должна была предоставить немецким войскам свободный проход через свою территорию. Бельгийцы отказались. Согласно Лондонскому договору 1839 г. Британия, Австрия, Пруссия, Франция и Россия признавали Бельгию независимым государством с постоянным нейтралитетом. Этот договор еще действовал. «Если бельгийское правительство примет переданные ему предложения, – сообщил Брюссель Берлину, – оно пожертвует честью нации и предаст свои обязательства перед Европой».

3 августа Германия объявила войну Франции. В качестве первого шага к победе ее войскам предстояло вторгнуться в Бельгию. В тот же день Бетман-Гольвег сказал, выступая в рейхстаге: «Зло – я говорю откровенно, – которое мы совершаем, обернется добром, как только наши военные цели будут достигнуты». Предполагалось, что после завоевания Франции Бельгия снова станет свободной. Во Франции патриотическая горячка охватила все классы общества: Эльзас и Лотарингия должны быть возвращены, за унижения 1870 и 1871 гг. следует отомстить. В тот день в Мюнхене австрийский подданный Адольф Гитлер обратился к королю Баварии, испрашивая позволения записаться в Баварский полк. На следующий день прошение было удовлетворено.

Британия пока оставалась в стороне. В кабинете министров сторонники войны с Германией не имели явного большинства – даже в случае нападения Германии на Францию. У Британии не было официального договора с Францией – только «Сердечное согласие», подписанное в 1904 г., чтобы разрешить давние споры в Египте и Марокко. Камнем преткновения стал бельгийский вопрос. По договору 1839 г. Британия выступала гарантом нейтралитета Бельгии. Из Лондона в Берлин был направлен ультиматум: никаких враждебных действий против Бельгии.

Вероятность, что Германия подчинится этому требованию, была невелика: план войны на два фронта уже приводился в исполнение. 3 августа на заседании прусского кабинета министров в Берлине Бетман-Гольвег сказал коллегам, что вмешательство Британии теперь неизбежно. «Тогда все пропало!» – воскликнул адмирал Тирпиц, чем встревожил присутствующих.

В Британии тоже были люди, предчувствовавшие те ужасы, которые им предстояло пережить. В деревне Радстон 16-летняя школьница Уинифред Холтби¹² стала свидетельницей эпизода, который навсегда запечатлелся в ее памяти. «Над прилавком крошечного газет-

¹² Холтби Уинифред (1898–1935) – британская журналистка и романистка, автор романа «Южный округ» (South Riding).

ного киоска вокруг подвешенной к потолку керосиновой лампы неуклюже порхали большие мотыльки. Под лампой на стуле устроилась пьяная старуха. «Война – это мерзость, – довольно дружелюбно заметила она. – Богом клянусь. Двое моих парней были в Южной Африке. Мерзость. Вот что это такое».

Высшее командование Германии было настолько уверено в военной мощи страны, что 3 августа, еще до начала марша через Бельгию, немецкие войска перешли российскую границу и заняли три города в русской Польше: Бендзин, Калиш и Ченстохов¹³.

Британское правительство потребовало, чтобы немецкая армия не вторгалась в Бельгию. Это не было блефом. Срок ультиматума, отправленного из Лондона в Берлин, истекал 4 августа в одиннадцать часов вечера. В Ла-Манше началась установка мин, чтобы предотвратить внезапное вторжение немецких военных кораблей. В числе пассажиров судна из Южной Африки, задержанного из-за минирования, был 44-летний адвокат М. К. Ганди, который вопреки мнению многих индийских националистов, считавших, что граждане Индии не должны вмешиваться в конфликт колонизаторов, призывал живущих в Британии индийцев внести «свой вклад в войну».

За семь часов до истечения британского ультиматума немецкие войска вторглись на территорию Бельгии. В одиннадцать часов вечера Британия объявила войну Германии. В Берлине у британского посольства быстро собралась толпа, швырявшая в окна камнями и выкрикивавшая оскорбления. Утром посланник кайзера, извиняясь за нападение, тем не менее заметил, что это должно продемонстрировать британскому послу, «как глубоко немцы оскорблены действиями Британии, выступившей против Германии и забывшей, как они плечом к плечу сражались при Ватерлоо». Посланник добавил, что кайзер раньше гордился званием британского фельдмаршала и адмирала флота, но теперь «слагает с себя эти почетные титулы». Посол и его сотрудники приготовились покинуть Берлин. Хорас Рамбольд впоследствии вспоминал, как трое немецких слуг из посольства, которым было выплачено жалованье за месяц вперед, при расставании выразили свое презрение – они «сняли ливреи, плевали на них, топтали ногами и отказались помочь отнести чемоданы к кебам». Век дипломатического этикета, уважения и соблюдения приличий подошел к концу.

Британия и Германия вложили в войну больше энергии, чем прежде вкладывали в торговлю и промышленность, расширение империи, культуру и построение более справедливого общества. Сэр Эдвард Грей, который старался удержать Австрию от нападения на Сербию и чье правительство отказалось дать Франции официальные гарантии, теперь защищал идею войны с Германией, приводя в качестве аргумента не только нарушение суверенитета Бельгии. Он говорил американскому послу в Лондоне: «Для нас вопрос в том, что, если Германия победит, она подчинит себе Францию. Независимость Бельгии, Голландии, Дании и, возможно, Норвегии и Швеции будет просто видимостью, а их статус независимых государств – фикцией; все их порты окажутся в распоряжении Германии, которая будет доминировать во всей Западной Европе, и это сделает наше положение неприемлемым. В таких условиях мы не сможем существовать как государство первого ряда».

В августе Италия, Португалия, Греция, Румыния и Турция не вмешивались в конфликт, наблюдая за происходящим со стороны, но планируя будущее участие в войне, если это будет сулить им выгоду. Другие европейские страны твердо придерживались нейтралитета. Голландия, Швейцария, Испания, Дания, Норвегия и Швеция не принимали участия в возникнове-

---

¹³ Это довоенное, русское название. После 1919 г. город известен под своим польским названием «Ченстохова». В этом городе, католическом центре паломничества, мой прадед Дов (Давид) Фихтенцвейг был свидетелем немецкого вторжения. Двадцать пять лет спустя он, еврей, живший в независимой Польше, пал жертвой второго, более страшного вторжения немцев. Ему было тогда за восемьдесят. *Авт.*

нии и развитии кризиса и не были втянуты в него в качестве противоборствующих сторон, хотя для некоторых война стала источником доходов и способствовала подъему торговли. Первые выстрелы из винтовок, пулеметов и пушек ознаменовали новую эру в торговле оружием, а также изменили представления о товариществе, храбрости, страданиях и муках.

К полуночи 4 августа 1914 г. в войне участвовали пять империй: Австро-Венгерская империя против Сербии, Германская империя против Франции, Британии и России, Российская империя против Германии и Австро-Венгрии, Британская и Французская империи против Германии. Если война закончится к Рождеству, во что верили очень многие, или в худшем случае к Пасхе 1915 г., то прежде, чем смолкнут пушки, на поле боя сложат головы десятки тысяч солдат. Каждая из сторон не сомневалась, что может сокрушить противника за несколько месяцев. Немцы планировали пройти маршем по Елисейским Полям в Париже, а французы – по Унтер-ден-Линден в Берлине. Бетти Канлифф-Оуэн вспоминала утро 5 августа в Константинополе: «У немцев, уезжавших домой, глаза уже светились предвкушением победы, а агрессивнее всех был сам граф Краниц, который обещал через несколько недель прислать открытку из Парижа, но, когда эти несколько недель истекли, он оказался пленником на Мальте!»

Немецкие дипломаты покидали Константинополь, ожидая скорой победы, а тем временем немецкие пацифисты собрались вместе со своими европейскими единомышленниками в тихом южногерманском городке Констанце на учредительную конференцию Всемирного альянса международной дружбы через посредство церквей. 4 августа делегатам, среди которых были священнослужители из Британии, Франции и Германии, питавшие отвращение к войне, пришлось в срочном порядке завершить дискуссии и разъехаться по домам.

Глава 3

Борьба начинается

Август – сентябрь 1914 г.

Утром 4 августа 1914 г. миллионы солдат, составлявшие авангарды нескольких армий, собирались в казармах или готовились к переброске. Согласно плану боевых действий, русская армия на границе с Восточной Пруссией должна была двигаться прямо на Берлин. На границе Эльзаса и Лотарингии французские войска вторглись на территорию Германии, уверенные, что им удастся отвоевать отобранные у Франции провинции и отомстить за прежние унижительные поражения, дойдя до Рейна. Севернее, на границе Бельгии и Германии, немецкие войска рвались вперед, чтобы в кратчайшие сроки достичь Северной Франции, стремительно пройдя через Бельгию. В 1870 г. прусская армия, в которую входили баварские, саксонские и вюртембергские полки, с боями пробилась к Парижу. В 1914 г., впервые с момента объединения Германии, немецкая армия вознамерилась последовать ее примеру.

Британия, 4 августа объявившая войну Германии, не располагала войсками на территории континентальной Европы, и ей еще только предстояло сформировать, вооружить и переправить через Ла-Манш британские экспедиционные войска под командованием сэра Джона Френча, но решение об их отправке пока не было принято. В тот день, зная о нежелании британцев вмешиваться в конфликт на территории Европы, сэр Эдвард Грей заверил парламент, что у страны нет никаких обязательств, вынуждающих ее куда-либо посылать войска. В Адмиралтействе Германии были уверены, что британские войска не появятся ни в портах на севере Франции, ни в бельгийских портах на Северном море. Но когда немецкие адмиралы сообщили начальнику Генерального штаба генералу Мольтке, что сумеют быстро подготовиться к сражению, когда британские войска будут пересекать море, Мольтке ответил: «В этом нет необходимости, нам даже будет на руку, если наши армии на Западном фронте расправятся с французами, бельгийцами, а заодно и с 160 000 англичан».

4 августа в Ахене уверенность немцев в непобедимости своей военной машины выразилась в отданном кайзером «приказе дня», когда он призвал 1-ю армию Германии «уничтожить вероломную Британию и раздавить презренную маленькую армию генерала Френча»¹⁴.

С первой же ночи после вторжения Германии бельгийские франтиреры, или вольные стрелки, вели из окопов и хозяйственных построек снайперский огонь по немецким солдатам, которые с самоуверенностью и видимой легкостью захватывали деревни в Восточной Бельгии. Этот непрерывный обстрел приводил в ярость немцев, считавших, что подлю было стрелять в них после того, как они заставили бельгийцев отступить в открытом бою. Обер-квартирмейстер 2-й армии Эрих Людендорф позже вспоминал, как в самую первую ночь войны его разбудила «интенсивная стрельба, причем часть выстрелов пришлось по нашему расположению». Инцидент произошел в небольшом бельгийском городе Эрве. Британский историк Джон Террейн писал: «До 4 августа Эрв оставался целым и невредимым». Немецкий журналист, оказавшийся в городе через пару дней, обнаружил, что город «сровняли с землей». По его словам, из 500 домов в Эрве «уцелело только девятнадцать. Повсюду лежат трупы, везде пахнет гарью. От церкви остались одни развалины».

---

¹⁴ В дальнейшем пережившие войну солдаты из армии Френча будут называть себя «старые презренные вояки». Их не раз видели в городах и деревнях Англии шагающими во главе парада в честь дня перемирия. Призыв кайзера «раздавить презренную маленькую армию генерала Френча» часто переводят более уничижительно: «презренную карликовую армию». *Авт.*

На Эрв возложили коллективную ответственность за ночные снайперские обстрелы. Немцы утверждали, что бельгийцы использовали гражданское население в военных целях, чтобы вызвать беспорядки за линией фронта. Бельгийцы ответили, что в ночных нападениях участвовали армейские подразделения, оставшие солдаты или ополченцы. По их словам, это были правомерные действия против захватчика. Международный закон был на стороне франтиреров. 5-я Гаагская конвенция 1907 г. запрещала воюющим сторонам проводить войска по территории нейтральных стран, а немцы именно это и делали на территории Бельгии. К тому же, согласно конвенции, сопротивление подобным действиям не расценивалось как акт агрессии.

После карательных акций со стороны Германии бельгийское правительство запретило населенным пунктам оказывать сопротивление захватчику. Поскольку правительство Бельгии не могло защитить своих граждан с помощью международного законодательства, оно приняло решение хотя бы не ставить их под угрозу физического уничтожения. Немцы, обозленные упорным вооруженным сопротивлением Бельгии, решили, что карательные меры против мирных граждан – единственный способ подавить беспорядки за линией фронта. 5 августа из замечания первого секретаря немецкого посольства в Брюсселе, барона фон Штумма, стало ясно, что Германия расценивает сопротивление Бельгии как досадную и бессмысленную помеху. Фон Штумм сказал своему американскому коллеге Хью Гибсону: «Жалкие глупцы! Ну зачем им лезть прямо под паровой каток? Мы не намерены причинять им вред, но, если они будут нам мешать, мы их раздавим».

5 августа немцы начали штурм первого серьезного препятствия, крепости города Льеж, гарнизон которой составлял 35 000 солдат. В ходе атаки немцам не удалось захватить ни один из двенадцати фортов. Солдаты запаниковали, но на следующий день Людендорф своим эффективным командованием сумел подавить панику. Он повел в бой 1500 человек, прорвал линию обороны между фортами и вошел в город. 7 августа бельгийцы сдали цитадель, но форты продолжали сопротивление. Немцам предстояло либо взять их один за другим, либо отступить и продолжить запланированное наступление.

В то время как многочисленные армии других стран состояли из призывников и пополнялись благодаря воинской повинности, Британия обладала хоть и небольшой, но профессиональной и хорошо подготовленной армией, которая по числу солдат все же не могла равняться с армиями Европы. 6 августа британское правительство обсуждало, стоит ли отправить во Францию все шесть дивизий. Премьер-министра Асквита и министра иностранных дел Грея тревожило то, что Великобритания, отправив все войска, сама останется беззащитной. Грей предлагал оставить экспедиционные силы в Британии. Вечером на заседании военного совета лорд Китченер шокировал всех предположением, что война может затянуться надолго. Он настаивал на отправке во Францию четырех дивизий, оставив две для обороны Британии. Его предложение было принято. Вклад Британии в войну на территории Европы, хотя туда было отправлено больше половины всех войск, все равно оказался незначительным: 50 000 солдат в начале войны, в то время как Австро-Венгрия поставила под ружье более трех миллионов человек, Франция – четыре миллиона, Германия – четыре с половиной и Россия около шести миллионов.

В начале войны лидер движения за независимость Ирландии Джон Редмонд предложил создать ирландскую армию, чтобы сражаться бок о бок с англичанами, уэльсцами и шотландцами. Не желая менять уже существующий план действий, Китченер отверг предложение Редмонда, проигнорировав патриотический подъем в Ирландии. Направив этот порыв в нужное русло, можно было бы существенно укрепить британскую армию за счет ирландцев и, по мнению некоторых из них, отвлечь их от восстаний и террора. В итоге 160 000 ирландцев стали добровольцами и 49 000 из них погибло в рядах британской армии. Некоторых ирландских пат-

риотов отказ от предложения Редмонда привел в ярость: Хьюберт Гоф, один из старших генералов британских экспедиционных сил, спустя сорок лет говорил: «Отказ Китченера открыл еще одну кровавую страницу в истории Ирландии».

7 августа Китченер, стремясь увеличить численность британской армии, обратился к британцам с призывом набрать 100 000 добровольцев. В тот день в Times так описывали один из призывных пунктов: «Желающих оказалось так много, что конной полиции пришлось сдерживать их натиск. Ворота быстро открывали и закрывали, пропуская каждый раз не больше шести человек». По словам Times, люди не выражали радости и восторга, «но ощущался какой-то затаенный подъем: те, кто не прошел отбор, открыто выражали досаду». В мирное время в армию вступало в среднем меньше ста человек в день, теперь это число превысило 1500 человек. Через четыре дня после начала военных действий в Лондоне к присяге приводили по сто добровольцев в час, и на Плац-параде конной гвардии пришлось выставить заграждения, чтобы сдерживать людской поток.

До начала войны в Либеральной партии, Лейбористской партии и профсоюзах были сильны антивоенные настроения, но в августе они пошли на спад. 6 августа, за день до обращения Китченера к народу, Labour Leader, орган Лейбористской партии, пытаясь поднять антивоенные настроения, опубликовала призыв: «Рабочие Великобритании, долой войну! Вам нечего делить с рабочими Европы. Им нечего делить с вами. Дележом занимаются правящие классы Европы. Вам ни к чему их ссоры». Тем не менее 7 августа главный редактор Manchester Guardian, влиятельный либерал Чарльз Скотт, прежде выступавший против войны, так объяснил, почему он не намерен присутствовать на общем собрании против участия Британии в войне: «Я твердо придерживаюсь мнения, что этой войны не должно было быть и нам не следовало в нее вступать. Но теперь, когда под угрозой оказалось наше будущее, нам остается только сделать все возможное, чтобы его сберечь».

То же желание – сделать все возможное – овладело всеми воюющими сторонами. 7 августа в Вене 25-летний австрийский философ Людвиг Витгенштейн, едва вернувшись из Кембриджа, где он преподавал, вступил в армию добровольцем, чтобы стать пулеметчиком, несмотря на двойную грыжу, из-за которой он не подлежал призыву. «Поначалу ему удалось добиться лишь перевода в Галицию в ремонтную мастерскую военной техники, – вспоминала позже его сестра Гермiona, – но он не прекращал попыток пробиться ближе к фронту». По ее словам, он то и дело попадал в комичные ситуации: военное командование, к которому он обращался, неизменно предполагало, что он стремится оказаться подальше от фронта, хотя все обстояло как раз наоборот.

Во всех воюющих странах арестовывали и сажали в тюрьму тех, кого считали «опасными иностранцами». 8 августа в Ноймаркте¹⁵ в Западной Галиции, в 65 километрах от российской границы, австрийская полиция задержала русского эмигранта Владимира Ленина. Он жил в городе уже несколько лет, и австрийская полиция заподозрила в нем русского шпиона. Лидер австрийских социал-демократов Виктор Адлер был в хороших отношениях с властями, поскольку его партия выступила за войну: он поспешил убедить влиятельных людей в Вене, что Ленин будет вести активную пропаганду против царя и Антанты. Ленина освободили и выдали разрешение на въезд в нейтральную Швейцарию.

8 августа в Германии промышленник Вальтер Ратенау, еще недавно подавленный перспективой войны, пришел к начальнику центрального военного департамента в Берлине полковнику Шейху с предложением внести свой вклад в военную экономику. Отметив, что страна располагает лишь «ограниченным количеством» сырья, необходимого для военной промышленности, Ратенау хотел «спасти Германию от жесткой экономии». Через пару дней он был

¹⁵ С 1919 г. Новый Торг (в Южной Польше). Авт.

назначен главой специально созданного военно-сырьевого отдела, наделенного полномочиями реквизировать металлы, химикаты, джут, шерсть, резину и хлопок на территории Германии, как и на оккупированных территориях, а также покупать сырье у других стран или производить самостоятельно или при необходимости добывать его из имеющихся ресурсов. В задачи Ратенау входило обеспечить Германии возможность вести войну, но, как гражданское лицо, к тому же еврей, он постоянно сталкивался с враждебным отношением со стороны военного начальства.

Ратенау сознавал, что удовлетворять потребности Германии в сырье в случае затяжной войны окажется невозможным. То, что война может затянуться, беспокоило даже кайзера. 10 августа он вызвал к себе американского посла Джерарда, который позже вспоминал: «Кайзер говорил о войне в довольно мрачном тоне. Я попытался подбодрить его, сказав, что германские солдаты скоро войдут в Париж, но он ответил: «Участие англичан все меняет. Своенравная нация. Они будут подливать масла в огонь и не дадут нам быстро завершить войну».

С грохотом пушечных выстрелов пацифистские настроения никуда не делись. Социалисты выступали против войны в июле и в августе не изменили свою позицию. В России против войны особенно рьяно боролись и меньшевики и большевики из Социал-демократической партии. Дума проголосовала против выделения средств на войну. 10 августа Морис Палеолог, французский посол в Санкт-Петербурге, уверял Антанту, что «народ святой Руси не спланивался так крепко с 1812 года», что, впрочем, не умирало беспокойства союзников по поводу антивоенных настроений в России. 11 августа правительство Бельгии убедило нового государственного министра, социалиста Эмиля Вандервельде, отправить социал-демократам телеграмму с призывом поддержать военные действия. Эмиля Вандервельде, председателя Международного социалистического бюро, в России уважали. В июне он был в Санкт-Петербурге и пытался примирить партийные фракции русских социалистов. Его телеграмма в поддержку войны была опубликована в российской прессе, перепечатанные экземпляры распространялись на фабриках.

Телеграмма Вандервельде, которой он хотел разжечь патриотический пыл, на деле еще больше разобщила социалистов. К тому же она подтолкнула Ленина после прибытия в Швейцарию напечатать «Апрельские тезисы» и распространить их в России, призывая рабочих выступать против войны. Ленин был возмущен, прочитав в швейцарской газете, что депутаты-социалисты в рейхстаге поддержали войну. Сначала он не поверил этим новостям, решив, что их сфабриковал Генеральный штаб, чтобы обманом заставить рабочий класс Германии не выступать против войны. Смирившись с непоколебимым патриотизмом немцев, он направил все свои усилия на русский пролетариат.

С началом войны Австрия призвала австрийских поляков поддержать военные усилия империи во имя защиты собственных национальных интересов. 6 августа небольшой отряд польских стрелков из австрийской Галиции пересек русскую границу и направился к городу Кельце. Кавалеристы несли седла на голове, рассчитывая раздобыть лошадей у русских. В Кельце «освободительную армию» с цветами встречали польские женщины. Прочие горожане, опасаясь карательных мер русских, сидели по домам. После скоротечной стычки с русским патрулем, остудившей пыл этой «армии», она вернулась в Галицию.

Антивоенные настроения в России, которые Ленин разжигал во имя революции, всячески поддерживали Австрия и Германия: любые беспорядки внутри страны были им на руку. 6 августа правительство Австрии приняло решение выделить средства для антирусской и сепаратистской пропаганды Союзу освобождения Украины. Армянских и грузинских социалистов убеждали в том, что для них путь к независимости лежал через поражение российского царя.

С первых же недель войны обострились расовые и политические противоречия. 11 августа на митинге перед берлинской ратушей профессор фон Гарнак, директор Королевской биб-

лиотеки, говорил о том, что цивилизации Запада угрожает «цивилизация орды, собранная и управляемая деспотами, монгольская цивилизация московитов». По его словам, «этой опасной цивилизации не коснулся прогресс ни XVIII, ни XIX столетия, а теперь, в XX веке, она остервенела и готова нас уничтожить. Беспорядочная, словно песок в пустыне, азиатская орда мечтает захватить наши плодородные поля».

Недавно назначенный директором Института физики имени кайзера Вильгельма Альберт Эйнштейн жил тогда в Берлине. «Европа в порыве безумия положила начало чему-то немыслимому, – писал он другу 19 августа. – В такое время человек сознает, что он всего лишь неразумное животное. Я тихо и мирно занимаюсь своими исследованиями и наблюдениями, и все происходящее вызывает у меня лишь жалость и отвращение».

10 августа германский подполковник Кресс, находившийся вдали от разгоравшейся в Европе войны, но неразрывно с ней связанный, был на аудиенции у турецкого военного министра Энвер-паши. Кресс рассказал Энвер-паше о двух германских боевых кораблях, линейном крейсере «Гебен» и легком крейсере «Бреслау», которые британскому флоту, несмотря на все усилия, так и не удалось перехватить. Крейсера находились у Дарданелл и запрашивали разрешение на проход через пролив. Понимая, что Британия расценит это как акт агрессии и Турция окажется вовлеченной в военные действия Германии, Энвер-паша дал разрешение. Кресс спросил, подверглись бы британские корабли обстрелу, если бы стали преследовать германские корабли? Энвер-паша ответил утвердительно. Германский офицер Ганс Канненгиссер, присутствовавший на аудиенции, позже вспоминал: «Мы слышали лязг опускаемых решеток... никто из нас не шевельнулся. Кресс ушел, а я как ни в чем не бывало продолжил составлять рапорт».

Для сохранения турецкого нейтралитета было заявлено, что корабли проданы Турции. Их переименовали в «Явуз Султан Селим» и «Мидилли», а командующий адмирал Сушон поднял на кораблях турецкий флаг. Британия на все требования прекратить выполнение германской военной миссии в Турции получила отказ и от немцев, и от турок. Тем не менее сражений не последовало, все ограничилось попыткой спровоцировать два германских боевых корабля, вставшие на якорь в Константинополе.

На вторую неделю августа немцы потерпели военную неудачу в Северном море. Их подводную лодку U-15 протаранил британский корабль, и она затонула. Для Германии потеря этой подлодки стала первой за время войны: в дальнейшем та же участь постигла 180 немецких подводных судов. На той же неделе на озере Ньяса в Центральной Африке капитан Э. Л. Родс вышел на своей канонерке «Гвендолин» с одним трехфунтовым орудием из английского порта Нхата-бей и достиг небольшого немецкого порта Сфинксхафен в 50 километрах от него. Он открыл огонь по германскому пароходу «Герман фон Висман» и захватил его. Командующий «Висманом» капитан Берндт еще не знал, что между Англией и Германией началась война. В Times вскоре появился заголовок «Победа на озере Ньяса».

Бои в Европе принимали все более затяжной и ожесточенный характер. 13 августа у Динана французы попали под интенсивный артиллерийский огонь немцев. Передвижения противника немцы отследили с помощью самолета-разведчика. Командир французского взвода получил приказ не допустить захвата моста немецкой пехотой и выдвинулся с солдатами под огнем неприятеля. На подходе к мосту он был ранен в колено и упал. Спустя секунду на него рухнул сержант. Лейтенант позже вспоминал «глухие удары пуль, вливавшихся в тела погибших, и стоны раненых, лежавших рядом с трупами». Он с трудом отполз в сторону. Для Шарля де Голля это стало боевым крещением. Он выбыл из строя и был отправлен в госпиталь в Париже, но встал на фронт.

12 августа австрийская армия вторглась в Сербию. На сербском берегу Савы у города Шабац открывалась чудовищная картина: мужчин, как скот, сгоняли в одно место и расстре-

ливали, детей убивали, а женщин насиловали. Продвижение германских войск по территории Бельгии также сопровождалось проявлениями варварства, которое шокировало англичан и французов и еще сильнее ожесточало их против врага. 10 августа в деревне Ленмо одиннадцать мужчин были согнаны в одно место и расстреляны. Через десять дней пострадала деревня Анденн близ Намюра. Заявление генерала фон Бюлова, отпечатанное 22 августа и развешанное на стенах домов в Льеже, гласило: «Жители деревни Анденн, поначалу продемонстрировав мирные намерения, коварно напали на наших солдат. С моего разрешения генерал, который командовал этими солдатами, сжег деревню дотла и расстрелял 110 человек».

В деревне Сей были расстреляны пятьдесят жителей. 22 августа немцы, взбешенные упорным сопротивлением французских войск у шахтерского городка Тамин, собрали у городской церкви 384 человека, выстроили их в ряд и расстреляли из винтовок и пулеметов. Младшему из убитых было тринадцать лет, старшему – восемьдесят четыре. На следующий день в Динане произошла еще более масштабная расправа. Заявив, что бельгийские гражданские лица открыли огонь по германским солдатам, ремонтировавшим мост, немцы в качестве карательной меры расстреляли 612 человек – мужчин, женщин и детей. Среди убитых был трехлетний ребенок, которого мать держала на руках.

Два дня спустя, утром 25 августа, немецкий дирижабль сбросил бомбы на Антверпен. Всего за час шесть горожан погибли в своих постелях. Эти медлительные громоздкие летательные аппараты появились в небе над Европой еще до войны. Тогда людям, привыкшим передвигаться на наземном транспорте, они казались едва ли не более удивительным изобретением, чем аэроплан, а после начала войны мирные жители боялись, что во время воздушного налета один такой дирижабль без труда уничтожит целый город. По словам одного из специалистов по истории авиации, «в то время дирижабль был таким же чудом науки и техники, как в наши дни водородная бомба. Устрашающий дамоклов меч, занесенный над склоненными головами врагов Германии»¹⁶. В первые месяцы войны французский карикатурист Р. Дельвиль изобразил кайзера верхом на дирижабле. Его сопровождал ангел смерти в немецком шлеме, несущий подушку, на которой лежал Железный крест – награда за роль «мрачного воздушного жнеца».

Американский корреспондент Э. Александер Пауэлл во время первого налета дирижабля находился в Антверпене. В записях, опубликованных спустя три месяца в Англии, он рассказывал о «слабости и тошноте», которые испытал, когда вошел в один из домов и осмотрел комнату, где спала женщина. «Взрывом ее буквально разнесло на куски. Пол, стены, потолок – все в пятнах и брызгах. В общем, достаточно сказать, что останки несчастной женщины можно было собрать только с помощью лопаты». Неподалеку на площади один полицейский был убит наповал, а другому оторвало ноги». Женщине, которая проснулась от взрыва первой бомбы и «высунулась из окна посмотреть, что происходит, оторвало голову». В конечном счете погибли десять человек, еще двое вскоре скончались от полученных ран.

В тот же день после успешной контратаки бельгийцев в направлении от Антверпена к Лёвену в германских оккупационных войсках в Лёвене вспыхнула паника. Все началось с того, что одна из лошадей вырвалась и понеслась прочь. Немецкие часовые, не поняв причину суматохи, открыли огонь. Раздались крики «Французы атакуют!», «Англичане атакуют!» и полные угрозы для горожан вопли «Франтиреры атакуют!». После чего пять дней подряд немцы жгли в Лёвене дома и расстреливали мирных жителей. Когда 28 августа в Лёвен приехал американский дипломат Хью Гибсон, немецкий офицер сказал ему: «Мы сровняем город с землей! От него камня на камне не останется! Слышите? Ни единого камня! Мы научим их уважать Германию. Веками сюда будут приезжать люди, чтобы посмотреть, что мы сделали!»

Каждое пятое здание в Лёвене было разрушено, а церковь Святого Петра сильно повреждена огнем. «Тевтонское варварство» потрясло англичан и французов, его широко исполь-

¹⁶ Raymond Laurence Rimell. Zeppelin! A Battle for Air Supremacy in World War I. L.: Conway Maritime Press, 1984. P. 31. *Авт.*

зовали в пропагандистских целях. В рассказах о чудовищной жестокости, преувеличенных и приукрашенных, звучали слова о «зверствах, не поддающихся описанию», «реках крови» и «горах трупов невинных людей», их сопровождали возгласы и призывы к мести. Намеренное разрушение бельгийских церквей дало повод для новых обвинений в адрес германских правителей. На старых французских почтовых открытках изображен Иисус, который с презрением отталкивает кайзера и уходит от него прочь. Кайзер, стоя на коленях, тщетно пытается удержать Спасителя за руку. На заднем плане виден изуродованный собор.

12 августа, когда германские войска пытались подавить последние очаги сопротивления в Льеже, первые отряды экспедиционных сил Англии пересекли Ла-Манш, пробившись сквозь оборонную линию из 19 кораблей. За десять дней 120 000 человек были переброшены без единой потери. Операция проводилась настолько секретно, что даже через десять дней непрерывной переброски немецкое высшее командование не знало наверняка, что немало британских солдат уже во Франции, а германский флот так и не обнаружил достигшие цели британские транспортные суда. Желание Мольтке столкнуться с англичанами на поле боя исполнилось.

В те дни, когда первые британские солдаты достигли Франции, англичанка Эдит Кэвелл возглавляла школу медсестер в Бельгии. Она обратилась в Times с просьбой направлять в медицинский институт, где она работала, «пожертвования британской общественности», поскольку «раненых придется лечить на континенте, а точнее в Брюсселе. Наш институт, располагающий многочисленным штатом медсестер, готов оказывать помощь сотням раненых, и наши возможности постоянно растут». Эдит Кэвелл обращалась к соотечественникам с призывом «делать пожертвования». Ее письмо было опубликовано 15 августа под заголовком «Английская медсестра в Брюсселе».

Между Францией и Великобританией, с одной стороны, и Австро-Венгрией – с другой никаких разногласий не существовало. Сын одного из богатейших австрийцев являлся членом английского парламента. Генеральный инспектор британских войск в Судане, сэр Рудольф фон Слатин, был австрийцем. Австрийский посол в Лондоне, граф Менсдорф, приходился кузеном и близким другом королю Георгу. Но 12 августа, через восемь дней после того, как Британия объявила войну Германии, и в тот самый день, когда британские экспедиционные силы приступили к переброске через Ла-Манш, Британия и Франция объявили войну Австро-Венгрии, заявив, что ограниченный контингент австрийских войск, находившийся в тот момент на франко-германской границе, представляет «прямую угрозу для Франции».

Английский посол в Вене, обеспокоенный тем, что две страны без объективных причин вступили в войну, попросил графа Берхтольда выразить императору свое «глубокое сожаление», а также пожелать ему «пережить эти тяжелые времена, сохранив силы и крепкое здоровье». Австрийский посол в Лондоне, сильно расстроенный, в присутствии своего американского коллеги во всем винил Германию и кайзера и «расхаживал по комнате заламывая руки». В Брюсселе Хью Гибсон 15 августа записал в своем дневнике: «Вчера газеты сообщили, что Франция объявила войну Австрии. Этим утром пишут, что Черногория заявила о намерении стереть Австрию с лица земли. Вопрос на повестке дня: «Кто еще и кому объявил сегодня войну?»

Объявления войны способствовали разрастанию конфликта, но объявить войну ничего не стоило, а вот действительно воевать оказалось довольно накладно, куда более накладно, чем могли представить противники. Следуя правилам этикета, послы воюющих сторон собрали чемоданы и вернулись на родину. Британские политические и дипломатические круги сожалели об отъезде австрийского посла, который прекрасно справлялся со своими обязанностями и многих устраивал, зато народ негодовал: послу не только предоставили эсминец для пере-

правы через Ла-Манш, но и отправили с ним двести австрийцев, вместо того чтобы их интернировать. В то время еще придерживались правил приличия, но очень скоро они устарели.

Сперва вяло, затем с растущим энтузиазмом Британия примеривала на себя роль поборницы прав славянских меньшинств в Австро-Венгрии, кроме того, она выступала в защиту чехов. 19 августа в Санкт-Петербурге вышли два манифеста. В одном из них русские обещали после войны возродить в Польше «свободу вероисповедания, использования родного языка и самоуправления», во втором призывали народы Австро-Венгрии к борьбе за национальную независимость. 20 августа русский царь на аудиенции с чешским лидером Карелом Крамаржем сказал, что Россия благосклонно относится к идее «свободной и независимой короны Вацлава», которая после поражения Австрии будет сиять «в лучах, исходящих от короны Романовых».

20 августа Times, явно извращая факты, объявила, что в Праге вспыхнула революция и вода во Влтаве «стала красной от чешской крови». Газета также опубликовала не содержащее ни слова правды известие о том, что несколько чешских политиков, включая лидера движения за независимость Томаша Масарика, были казнены в Пражском Граде. На самом деле Масарик находился на свободе, более того, не прошло и пяти месяцев, как он перебрался в Швейцарию. Через два месяца после начала войны ведущая газета британских консерваторов высказала предположение, что «пестрая многонациональная мозаика Австро-Венгерской монархии рассыплется, и на карте Европы возникнут новые и, как мы надеемся, более стабильные и удачные государственные образования». Тем временем в Вене возможная победа Австрии над Россией вдохновила сторонников имперской экспансии. 12 августа, когда Британия объявила войну Австрии, австрийские дипломаты заговорили о присоединении к владениям Габсбургов польских губерний, входивших в Российскую империю, включая Варшаву.

В конфликт оказались вовлечены не только войска, но и сами имперские системы. Не прошло и недели, как Российская империя стала поддерживать идею послевоенного польского самоуправления, а Габсбургская империя – возможность своего рода политического управления Польшей. Чтобы укрепить свои позиции, 16 августа австрийские власти позволили польскому лидеру Юзефу Пилсудскому создать в Кракове, на территории Австрии, Высший национальный комитет. Его задачей была подготовка к тому дню, когда поляки и австрийцы вместе войдут в Варшаву. Польский легион стал первым результатом, который Пилсудский продемонстрировал своим соотечественникам и австрийским покровителям. Он лично вел в бой против русских 1-ю бригаду численностью 10 000 человек.

В России все еще верили в скорую победу, по крайней мере, верил Верховный главнокомандующий великий князь Николай. 21 августа Морис Палеолог сообщал из Петрограда в Париж: «Великий князь твердо намерен наступать на Берлин и Вену, и наступать быстро, проводя войска между Торном, Позеном и Бреслау. Берлин для него приоритетнее Вены».

23 августа по приказу генерала Конрада австрийские войска пересекли границу и 280-километровым фронтом вторглись в польские губернии на территории России. Среди них был философ Витгенштейн, которому пришлось управлять прожектором на захваченной русской канонерке. Его внезапно разбудили и приказали направлять прожектор. «Я кинулся к мостику почти голый, – писал он в своем дневнике, – в полной уверенности, что меня вот-вот убьют». Но тревога оказалась ложной. «От страха меня трясло, я не мог удержаться от стога. Я на себе ощутил весь ужас войны».

В то утро в Москве царь присутствовал на торжественном богослужении в Успенском соборе, где возносились молитвы о победе. Более чем за тысячу километров к юго-западу, рядом с русско-польским городом Красник, шли бои: стремительное наступление австрийской кавалерии было внезапно подавлено русской пехотой и пулеметами. Австрийский солдат Фридрих Фохтингер вспоминал, как это произошло. Его резервный полк, выдвинувшийся вперед

через три дня после начала наступления, в тот самый момент, когда был отдан приказ атаковать, подвергся артобстрелу со стороны русских. «Справа от меня был молодой барабанщик, глаза у него покраснели и лихорадочно бегали, дрожащие губы побелели, он едва не срывался на крик. Это был уже не тот парень, чья барабанная дробь так часто придавала сил нашим усталым ногам. Я снова взглянул на него и увидел выпученные глаза и распыленный рот, из которого текла кровь. Захлебываясь, он произнес «мама» и упал замертво. И вот мы мчимся задыхаясь – вокруг валяются убитые и раненые, а мы их даже не замечаем».

Полк Фохтингера достиг окопов, в которых засели русские солдаты. Увидев австрийков, русские побежали. Одного из них почти настигли, а он, видимо, был безоружен. Вдруг он остановился, развернулся, вытянул правую руку вверх, а левую сунул в карман. Фохтингер тут же вонзил в него штык. «Я видел, как его одежда краснеет от крови, как он корчится, видел торчащий из него штык и слышал его стоны. Меня парализовало от ужаса. Я спрыгнул с лошади и подполз к нему, желая помочь, но он уже был мертв. Я вытащил из тела окровавленный штык. Хотел сложить ему руки и увидел, что в левой он держит смятую фотографию жены и ребенка».

Австрийские солдаты сражались у Лемберга, где русские отбросили их обратно в крепость. В отступлении участвовал скрипач Фриц Крейслер. «Двадцать один день подряд, – вспоминал он позже, – я не раздевался, спал на мокрой траве, в грязи или у болота». Как-то раз на двадцать минут установилось перемирие. После обмена криками через ничейную землю безоружный русский вышел на середину и взял у подошедшего к нему безоружного австрийца сигару, дав взамен пачку табака.

Перспектива попасть на фронт действовала на призывников удручающе. 30 августа художник Оскар Кокошка писал из Вены другу: «Эти простые мужчины и парни, изголодавшиеся, сбитые с толку, в жизни не знали ничего, кроме страданий. И теперь их посылают туда, где их ждет смерть или увечье, а потом никому до них не будет дела. Улицы полны жалких женщин, больных и бледных, но при этом стойких и не показывающих вида, до чего им плохо. Сегодня на моей улице одна женщина, словно у нее помутился разум, повисла на шее у мужа, которому приходилось покидать ее с какими-то пожитками, завязанными в кусок дерюги. Тем не менее новобранцы ведут себя смирно и благодарны за дружеский взгляд».

23 августа военный конфликт расширился – Япония объявила Германии войну. В Берлине рестораны отказывались обслуживать японцев, а через несколько дней многих японских граждан вывезли в Рулебен, ипподром в окрестностях Берлина, который превратили в лагерь для интернированных; остальным удалось добраться до безопасной Швейцарии. После того как Япония вступила в войну, группа островов в Тихом океане, вдали от Германии и ее военной мощи, стала добычей японцев. Когда сэр Эдвард Грей попытался ограничить зону японской активности, Черчилль написал ему: «Вы легко можете нанести смертельное оскорбление... которое не забудется... нам предстоит пережить нелегкие времена. Буря еще разразится».

С первых дней войны происходили многочисленные столкновения на море. 6 августа британский крейсер «Амфион» наткнулся на немецкую мину и сразу же затонул. Погиб и английский экипаж, и немецкие пленные, захваченные на минном заградителе, который и поставил роковую мину. Всего утонуло 150 человек. 12 августа были установлены две морские блокады: британцы блокировали немецкие порты на Северном море, не допуская туда грузовые суда, а французы отрезали австрийские порты на Адриатическом море.

Война началась и в воздухе: каждая из противоборствующих сторон стремилась использовать свою немногочисленную авиацию для разведки и бомбардировок. 12 августа первые потери понесли британские, французские и немецкие летчики, хотя никто из них не погиб в бою. Старший лейтенант немецкой армии Яхнов, во время Первой балканской войны 1912 г. служивший летчиком у турок, погиб в авиакатастрофе на севере Франции. Французский

сержант Бриду разбился при возвращении на базу. Два английских пилота, лейтенант Скин и механик Барлоу, по пути во Францию погибли в результате крушения их двухместного аэроплана в окрестностях Дувра.

На Восточном фронте 14 августа немецкие войска теснили русских и были уже в 80 километрах от Варшавы. На следующий день на Западном фронте Льеж наконец капитулировал перед Людендорфом. Газетные заголовки «Льеж пал!» вызвали радость в Германии и страх в Британии и Франции. И, хотя на следующий день французские войска, в полном соответствии с довоенным Планом-17, разработанным на случай войны с Германией, вошли в Эльзас, это не могло компенсировать потерю Льежа. Французам удалось захватить приграничные города Тан и Альткирш, но через несколько дней их попытка развить наступление на Мюлуз была пресечена¹⁷. Немцы выполнили искусный маневр и заманили противника на позиции, где он оказался беззащитным перед плотным огнем артиллерии и пулеметов. «Поразительные изменения в военном деле», – заметил генерал Фош, когда безжалостный огонь посеял панику в рядах наступающих французов. «Растерянные, потрясенные многочисленными потерями, они откатились назад, и это отступление удалось остановить только через десять дней».

В боях участвовали все регулярные армии. Кроме того, в каждой из воюющих стран в армию вступали добровольцы. «Вы нужны вашему королю!» – этот призыв, впервые опубликованный в Британии 7 августа, был затем повторен и приукрашен в тысячах публичных выступлений. В Германии уроженец Австрии Адольф Гитлер, которого годом раньше по медицинским причинам отвергла австрийская армия, 16 августа вступил добровольцем в Баварский пехотный полк. На Западном фронте немецкий офицер-резервист Вальтер Блум с восторгом рассказывал о своем первом бое: «Это было изумительно, прямо как сон. Может, война – это просто игра, что-то вроде спорта? Может, бельгийская армия – стая зайцев?»

---

¹⁷ Тан до окончания войны оставался в руках французов. Живописная горная дорога, уходящая на юго-запад от Тана, в 1918 г. получила название «дороги Жоффра» по имени начальника французского Генерального штаба (впоследствии главнокомандующего). *Авт.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.